

Россия в мемуарах

А.И. Соколова
ВСТРЕЧИ
И ЗНАКОМСТВА

Новое
Литературное
Обозрение

Россия в мемуарах

Александра Соколова
Встречи и знакомства

«НЛО»

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)53

Соколова А. И.

Встречи и знакомства / А. И. Соколова — «НЛО»,
— (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-4448-0817-7

Писательница Александра Ивановна Соколова (1833 – 1914), мать известного журналиста Власа Дорошевича, много повидала на своем веку – от великосветских салонов до московских трущоб. В своих живо и занимательно написанных мемуарных очерках она повествует о различных эпизодах своей жизни: учебе в Смольном институте, встречах с Николаем I, М. Н. Катковым, А. Ф. Писемским, Л. А. Меем, П. И. Чайковским, Н. Г. Рубинштейном и др., сотрудничестве в московских газетах («Московские ведомости», «Русские ведомости», «Московский листок»), о московском быте и уголовных историях второй половины XIX века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)53

ISBN 978-5-4448-0817-7

© Соколова А. И.
© НЛО

Содержание

Встречи и знакомства Александры Соколовой	6
Встречи и знакомства	22
Из воспоминаний Смолянки	22
Глава I	22
Глава II	26
Глава III	29
Глава IV	33
Глава V	35
Глава VI	39
Глава VII	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александра Соколова

Встречи и знакомства

Составление, предисловие, подготовка текста С. В. Букчина

Комментарии С. В. Букчина и А. И. Рейтблата

Серия выходит под редакцией А. И. Рейтблата

© С. В. Букчин. Составление, предисловие, комментарии 2017

© А. И. Рейтблат. Комментарии, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение». 2017

* * *

Встречи и знакомства Александры Соколовой

В один из дней 1906 года¹ в кабинете редактора петербургского журнала «Исторический вестник» Сергея Николаевича Шубинского появилась высокая, грузная пожилая дама. Она заметно нервничала и, в то время как редактор с интересом перебирал листы принесенной ею рукописи, исписанные выразительным красивым почерком, настоятельно просила о выдаче аванса, ссылаясь на свое крайне бедственное положение и болезнь дочери. Когда расстроганная положительным ответом посетительница ушла, бывший свидетелем этой сцены молодой историк и помощник Шубинского по журналу Б. Б. Глинский услышал от редактора:

«— Знаете, кто это?

— Как же я могу знать, когда вы нас не познакомили?

— Разве? А я думал, что вы знакомы. Это — знаменитая Соколова, мать Дорошевича.

Я с некоторым недоумением пожал плечами, обнаруживая свое неведение относительно Соколовой.

— Вот вы, нынешние, никого из стариков не знаете. Ведь это гремевшее когда-то в Москве “Синее Домино”.

— Так бы вы с самого начала и сказали. Кто же про нее не слышал?

— Ведь вот каковы превратности судьбы: когда-то тысячи зарабатывала, на рысках разъезжала, а теперь старость наступила и приходится чуть не Христом Богом вымаливать гроши и авансы»².

Этим эпизодом Глинский начинает свой некролог Соколовой. Публикация эта — первый и долгие десятилетия остававшийся единственным очерк жизни журналистки и писательницы Александры Ивановны (Урвановны) Соколовой, в свое время действительно завоевавшей широкую популярность в читательской среде театральными фельетонами, очерками, романами на самые разнообразные темы, в том числе уголовными и историческими. Но, пожалуй, самым интересным романом могло бы стать описание ее жизни. На протяжении долгого жизненного пути у нее было множество интереснейших встреч и знакомств — почти вся русская литература и журналистика второй половины XIX века в лицах, начиная с Бенедиктова, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Каткова, проходит в ее воспоминаниях. А еще великие музыканты, среди которых Чайковский, Серов, братья Рубинштейн, драматические актеры, певцы... Наконец, разнообразные типы из помещиц, чиновно-бюрократической, журнально-газетной среды... Соколова успела немало рассказать об увиденном и услышанном в двух мемуарных циклах — «Из записок смолянки» и «Встречи и знакомства» — и в отдельных очерках мемуарного характера. И только об одном не рассказала — о сугубо личном, сыгравшем тем не менее очень важную роль в ее жизни. Тот же Глинский в упомянутом некрологе писал: «Ее жизнь, написанная во всех деталях и в правдивостях, могла бы, несомненно, составить содержание большого бытового романа из хроники двух русских столиц 70 — 80-х годов. Многие страницы из своих многочисленных встреч и знакомств она поведала читателям “Исторического вестника”, но эти страницы были только внешнею стороною ее шумной, разнообразной и полной всяческих событий и непрестанного труда жизни. Многое интимное и очень характерное для обрисования ее духовного образа не подлежит сейчас оглашению, и, хотя мертвые сраму не имут, я не стану ворошить мертвых костей

¹ Дата первого прихода А. И. Соколовой в редакцию «Исторического вестника», скорее всего, указана Б. Б. Глинским ошибочно, поскольку ее публикации в этом журнале стали появляться с 1910 г.

² Б. Г[линский]. А. И. Соколова (Некролог) // Исторический вестник. 1914. № 3. С. 954 — 959.

и извлекать из могильной ямы то сенсационное, что могло бы привлечь к себе внимание праздной толпы»³.

Так получилось, что «интимное и характерное», не подлежавшее оглашению почти век назад, осталось, по сути, нераскрытым, что составляет немалые трудности для обращающихся к биографии как А. И. Соколовой, так и ее сына, знаменитого журналиста («короля фельетонистов») Власа Дорошевича⁴. «Неразглашение» личного, автобиографического было, скажем так, мемуарным принципом Соколовой. Впрочем, она это декларировала: «Я не мемуары пишу. Личные мои записки ни для кого никакого интереса представить не могут. Я просто вспоминаю отрывочные эпизоды моих “встреч и знакомств” с лицами более или менее известными и интересными...»

Однако то, что она сочла необходимым особо подчеркнуть «неинтересность» и, соответственно, несущественность ее «личных записок», заставляет думать не столько о скромности мемуаристики, сколько о том, что были в ее биографии эпизоды, которых она не хотела касаться. И это, как будет показано далее, небеспочвенное предположение. Тем не менее у Соколовой «личное», несмотря на ее заявления, проглядывает то непосредственно в текстах, то между строк. Эти «проглядывания» вкупе с тем, что на сегодняшний день известно, документально установлено о жизни писательницы, позволяют рассуждать о причинах ряда «неясностей» в ее биографии и одновременно достаточно последовательно выстраивать ее.

Александра Соколова родилась в семье, принадлежавшей к одному из дворянских родов Денисьевых, у истоков которых генеалогия числит черниговского воеводу Ивана Шаина, переселившегося в Рязань в конце XIV в. Считается, что от имени его правнука боярина Дениса Юрьевича пошли Денисьевы. И хотя, как утверждает та же генеалогия, род этот пресекался в начале XVIII в., есть основания предполагать, что сохранились какие-то его ветви. Были и другие роды Денисьевых, восходящие к концу XVII в. и внесенные в VI часть родословных книг Курской и Ярославской губерний⁵.

Ко времени поступления Соколовой в Смольный институт (как указывает она сама, это произошло в 1843 г., когда ей было восемь лет⁶) ее дед и отец считались, по ее же свидетельству, чуть ли «не однодворцами». Но то, что род Денисьевых был записан «в 6-ю или так называемую “бархатную книгу”», наряду с тем обстоятельством, что отец был полковником, имело решающее значение для того, чтобы она оказалась «в числе воспитанниц аристократического института».

Следуя избранному принципу «ничего личного», Соколова не рассказывает в воспоминаниях о своей семье. Вместе с тем, при обрисовке социального положения воспитанниц того же Смольного института, ей трудно было обойтись без некоторых деталей, касавшихся ее положения в этом заведении и потому так или иначе имевших отношение к ее происхождению и родне. Они легко угадываются за достаточно прозрачными намеками. В мемуаре «Из воспоминаний смолянки» говорится о «неуклюжей и полудикой девочке, словно волшебством занесенной из глухого захолустья» в мир «маленьких петербургских аристократок», их «братьев-кавалергардов и сестер-фрейлин».

³ Б. Г[линский]. Указ. соч. С. 956.

⁴ Автор единственной на сегодняшний день исследовательской публикации, посвященной А. И. Соколовой, выстроенной на материалах архивного и библиографического поиска, начинает со слов о том, что в ее биографии «много неясного» (Прозорова Н. А. К биографии А. И. Соколовой (Синее Домино) // Русская литература. 2000. № 4. С. 159; см. также: Букчин С. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста. М., 2010. С. 30 – 69 (глава «Незаконнорожденный: сын и мать»).

⁵ См.: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. М., 1993. Т. 4. С. 621.

⁶ Если следовать авторскому сообщению во «Встречах и знакомствах» о поступлении в Смольный институт в 1843 г. восьми лет от роду, то получается, что родилась она в 1835 г. В некрологе, опубликованном «Историческим вестником», указан 1836 г., что совпадает с ее собственным указанием в поданном в 1913 г. прошении о пособии о том, что в марте этого года ей исполняется 73 года. Н. А. Прозорова путем сверки архивных документов установила, что Александра Соколова родилась 9 марта 1833 г. (см.: Прозорова Н. А. Указ. соч. С. 161 – 162).

И так вышло, что «глухое захолустье» и невысокий социальный статус отца не помешали ей занять в Смольном институте «первенствующее место в силу той серьезной подготовки, которая заботливо была дана» дома. Она даже называет эту подготовку «исключительной научной», имея в виду, конечно же, определенный уровень знаний, которыми обладала по сравнению со многими сверстницами. И в целом она характеризует себя накануне вступления в Смольный как «воспитанную в строгих приличиях дворянского дома того времени».

Отец Александры Соколовой Урван Дмитриевич Денисьев (1797 – 1847), племянник министра народного просвещения, писателя и адмирала А. С. Шишкова, был храбрым кавалерийским офицером, участвовал в сражениях с наполеоновскими войсками в 1812 – 1814 гг., в подавлении Польского восстания 1830 г. В 1845 г. он вышел в отставку в чине полковника и спустя два года умер на скромном посту городничего уездного города Тихвин Новгородской губернии, не оставив после себя никакого наследства, кроме личных вещей. К тому времени он уже не первый год жил отдельно от жены Анны Андреевны Денисьевой (урожденной Шумиловой). О матери Соколовой почти ничего неизвестно. Рассказывая в одном из мемуарных очерков о своей поездке в 1850-х гг. в Нижегородскую губернию, где у нее «оставался клочок земли», она вспомнила о «громадном состоянии, прожитом» матерью, «принесшей за собой в приданое 4000 душ крестьян в имениях, при которых были и фабрики и заводы». Все было «прожито» и, конечно же, не матерью, а отцом, поскольку Урван Денисьев был человеком темпераментным, склонным к авантюрным поступкам. Его единственная дочь, не касаясь деталей утраты большого наследства, не без печальной гордости замечает, что «так спускать свои состояния и так проживаться, как делали баре тех времен, в настоящее время уже не умеют», поскольку нет ни соответствующего «кругозора», ни «размаха».

Саша Денисьева была принята в Смольный институт благородных девиц при содействии ее тетки по отцу Анны Дмитриевны Денисьевой, бывшей выпускницы этого же института, служившей в нем инспектрисой, влиятельной дамы, имевшей связи при дворе и пользовавшейся благосклонностью императорской четы, опекавшей это учебное заведение. Будучи зачисленной на казенный счет, она считалась пансионеркой Николая I. Вместе с ней в институте учились еще четверо племянниц Анны Дмитриевны, дочерей ее брата Федора. Пятая кузина Саши, закончившая курс Елена (Леля), дочь другого брата Анны Дмитриевны, Александра, была личной воспитанницей инспектрисы Денисьевой, находилась почти на положении ее дочери. О разыгравшемся с Еленой, занимавшей уже положение пепиньерки (чуть ли не классной дамы), скандале, связанном с ее романом с дипломатом и поэтом Ф. И. Тютчевым, Соколова пишет в «Записках смолянки» очень осторожно, даже не упоминая имени последнего. Она говорит о «горьком эпизоде увлечения» кузины, последствием которого стало удаление из Смольного (по личному распоряжению императора) Анны Дмитриевны и беременной к тому времени Елены Денисьевой.

Это событие, произошедшее в 1851 г., совпало с выпуском Александры Денисьевой из институтских стен. Возможно, оно повлияло на дальнейшую судьбу ее, ибо училась она прекрасно, имела блестящие разносторонние способности, была хороша собой и вполне могла закончить институт с шифром – знаком отличия, открывавшим путь во фрейлины, то есть в круг близких ко двору лиц. Однако этого не произошло, и она стала жить в Москве у другой своей тетки по отцу, Александры Дмитриевны. Спустя 14 лет, в январе 1865 г., у нее родился внебрачный («незаконнорожденный», как тогда говорили) сын Влас, будущий знаменитый журналист. Эти 14 лет составляют самый непроясненный период в биографии Соколовой. Мемуарный цикл «Встречи и знакомства» позволяет установить, что в это время она посещала литературные салоны в домах драматурга Н. В. Сушкова и цензора Д. С. Ржевского в Москве, встречалась там с известными писателями, учеными, музыкантами, артистами, наезжала в Петербург, где для нее были открыты двери салона известного мецената графа

Г. А. Кушелева-Безбородко. Накопленные за это время впечатления позже легли в основу ее воспоминаний.

Вместе с тем о личной жизни Соколовой в тот же период нет никаких конкретных сведений. В. А. Гиляровский глухо упоминает о ее петербургском романе с каким-то «очень крупным лицом», породившем возникший позже псевдоним Синея Домино⁷. Несомненно, что для самолюбивой смолянки, желавшей непременно преодолеть границу, которая отделяла ее от мира знатных и богатых, это было время надежд и попыток устроить свою судьбу через соответствующий брак. Но что-то здесь не складывалось. Виной могли быть и ее нелегкий характер, и повышенная требовательность, и, возможно, другие обстоятельства. Отзвук настроений, владевших в ту пору Александрой Соколовой, вместе с очевидными автобиографическими мотивами мы находим в монологе героини ее романа «Золотая пыль» Лели Крамской: «А приехала я сюда (в Петербург. – С.Б.) с твердым намерением блеснуть и разбогатеть и непременно достигну своей цели (...). Мы были бедны, и нужда и грошевые расчеты с детства надоели и опротивели мне и поселили в моей душе жажду денег и широкой, богатой жизни. Отец кое-как устроил меня в московский Екатерининский институт (учебное заведение, похожее на Смольный. – С.Б.) и умер в тот же год от простуды, не дождавшись моего выпуска (У. Д. Денисьев умер в 1847 г., а Соколова закончила Смольный спустя четыре года. – С.Б.). Мать дожила до этого счастливого, по ее мнению, дня и умерла в тот же год от простуды (есть возможность предположительно датировать смерть матери Соколовой 1851 г. – С.Б.), недовольная мною, моими требованиями, капризами и тем, что я не могла уложиться в ту тесную рамку, в которую вдвинула меня судьба.

А могла ли я это сделать, когда институт, этот рассадник науки, не смог и не сумел насадить в душе моей ничего, кроме жажды роскоши и блеска?»

Последние слова самым непосредственным образом перекликаются с наблюдениями Соколовой во время пребывания в Смольном институте, где, несмотря на внешнее равенство положения воспитанниц, была ощутимой разница между принадлежавшими к знатным и богатым семьям и бедными пансионерками. Дальнейшие признания героини «Звездной пыли» позволяют в определенной степени судить о том, как складывались отношения Соколовой с взявшей ее к себе после окончания института московской теткой, как она вышла на дорогу самостоятельной жизни, как, наконец, протекали последующие четырнадцать лет ее жизни: «После смерти матери я попала к дальней родственнице, которая под фирмой благодеяния бедной сироте хотела сделать из меня няньку своих детей. Я наговорила ей дерзостей и переехала от нее в первую попавшуюся гостиницу.

Мне тогда только что минуло восемнадцать лет (Соколовой исполнилось 18 лет в 1851 г. – С.Б.), и в кармане у меня было три рубля с копейками. Немного, как вы видите, но я не унывала. Я смело пошла по новой дороге, не теряла времени в бесполезных охах и вздохах и спустя месяц после переселения моего от моей мнимой благодетельницы занимала уже шикарное отделение в гостинице “Дрезден” и каталась на приличном экипаже.

Так прошел год. Я брала деньги не стесняясь, разоряла своих поклонников без милосердия; двоих довела до отчаяния, одного до самоубийства, вынесла несколько неприятных объяснений с администрацией и, порешив, что в Москве мне тесно, размахав настоящего нет, поставила себе задачей попробовать счастья в Петербурге.

Сюда я приехала с грудой роскошных туалетов и запасом такой ненависти и презрения к людям, что мне за них страшно. За себя я не боюсь ничего: я изо всякой борьбы выйду победительницей»⁸.

⁷ Гиляровский В. А. «Новости дня» // Гиляровский В. А. Избранное: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 91.

⁸ Соколова А. И. Звездная пыль: Оригинальный роман из столичной жизни. СПб., 1890. С. 72 – 74. (Из приложений к журналу «Луч».)

Как видим, нарисован портрет авантюрной молодой особы, самоуверенной, жаждущей добиться успеха во что бы то ни стало. Это черты Соколовой не только в юности, но и, как будет показано далее, в более зрелом возрасте. Очевидно, что за почти полтора десятка лет после выхода из стен Смольного основная надежда Соколовой – а ею, в соответствии с ее характером и настроениями, могло быть прежде всего стремление возвыситься и материально обеспечить свое положение через соответствующий брак – не осуществилась. В 1865 г., когда у нее родился «незаконный» Влас, ей уже было 32 года.

Кто же был отцом ребенка? Об этом человеке сохранились очень скудные сведения. Сын московского метранпажа, Сергей Соколов происходил из простонародной, «низкой» среды по сравнению с дворянкой из старинного рода и воспитанницей Смольного института Александрой Денисьевой, и потому их брак был несомненным мезальянсом. Впрочем, до официального заключения брака дело дошло только некоторое время спустя после того, как полугодовалый Влас был буквально брошен матерью на произвол судьбы в одном из московских домов. Почему Соколова решилась на этот жестокий поступок – биографы ее и Дорошевича гадают до сих пор. Предположение дочери «короля фельетонистов» Натальи Власьевны Дорошевич (1905 – 1955) о том, что ее бабка попала в какую-то «политическую историю» и вынуждена была бежать, преследуемая полицией⁹, ничем не подтверждается.

Более правдоподобно выглядит следующая версия. Не сумев завоевать место в аристократических кругах, Соколова в начале 1860-х гг. сближается с нигилистической средой, часть которой составляли оригинальные, образованные и вместе с тем опустившиеся личности. Занимавшийся мелкой литературной работой Сергей Соколов, по воспоминаниям Гиляровского, был «одним из представителей того мирка, которому впоследствии присвоили наименование “богема”»¹⁰. С горечью описывает Соколова в одном из своих очерков московский притон «Склад», где собирался кружок этих неординарных и сильно подверженных алкоголю людей. Но есть и несомненное восхищение «разнообразными талантами» «интеллигентных пропойц», цитировавших в своих спорах Гегеля и Канта, Шекспира и Байрона. Она оговаривает, что вынуждена была посещать это злачное место, поскольку ее «близкий родственник» был одним из его постоянных посетителей¹¹. Этим «родственником» был Сергей Соколов, вероятно увлекший ее своей оригинальностью, и вызволяла она его из «Склада» уже как своего мужа. Возможно, «богемный человек» Соколов был против рождения ребенка, а потом настаивал, чтобы она оставила его. Но только ли «богемность» Соколова была тут причиной? Ведь ничто не помешало их законному браку и, соответственно, венчанию вскоре после того, как маленький Влас был брошен. В браке у них родились двое «законных» детей – сын Трофим и дочь Мария.

Косвенные свидетельства позволяют предположить, что Соколов не был уверен в том, что Влас его сын, что неудивительно при множестве романов, которые были у его подруги. Одним из них мог быть роман с А. А. Казначеевым, сыном двоюродного брата отца Александры сенатора А. И. Казначеева. На то, что отношения с ним носили особый характер, Соколова намекнула на суде в 1870 г., где ее обвиняли в выдаче фальшивого векселя на имя полковника Казначеева. Тогда суд присяжных оправдал ее не только по причине «тяжелых обстоятельств», но и приняв во внимание отношения, «существовавшие между нею и г. Казначеевым, объяснить которые она считает невозможным»¹². Объяснить, то есть публично говорить об этих отношениях, она могла отказаться только по причине их интимности. И

⁹ *Дорошевич Н. В.* Жизнь Власа Дорошевича // ОР РГБ. Ф. 218. Ед. хр. 711.

¹⁰ *Гиляровский В. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 92.

¹¹ См. в настоящем издании очерк «Одна из московских трущоб и мировой судья Багриновский».

¹² *Лукин А. П.* Отголоски жизни. М., 1901. Т. 1. С. 194. Автор ссылается на публикацию в «Русских ведомостях» (1870. № 268).

если действительно у нее с Казначеевым был роман, то понятны ревность знавшего о нем Сергея Соколова, его неуверенность в том, что он является отцом Власа, и желание, чтобы она бросила младенца. Не следует упускать из виду и тот факт, что Казначеев был крестным отцом Дорошевича. И все же ревность Соколова, если верить свидетельству знавшего его Гиляровского, что он «был живой портрет Дорошевича», скорее всего, была беспочвенна.

Маленького Власа взяли к себе и растили как родного сына бездетные помощник квартального надзирателя Михаил Родионович Дорошевич, бывший в чине коллежского секретаря, и его жена Наталья Александровна. Соколова спустя четыре месяца после того, как бросила сына, отказалась от ребенка, дав чете Дорошевичей соответствующую расписку. От приемного отца Влас получил фамилию и отчество. На всю жизнь он сохранил к приемным родителям чувство благодарности за тепло, которым был окружен в детские годы. То, как поступила с ним мать в младенчестве, сам факт «незаконнорожденности» нанесли Дорошевичу глубокую душевную травму, особенно переживавшуюся им в годы молодости. Проблеме брошенных матерями «незаконнорожденных» детей, их прав он посвятил ряд громких фельетонов, в которых очевидны автобиографические мотивы. В одном из них, явно целя в мать, он писал о «случайно родивших самках», бросающих своих детей¹³. Характерен псевдоним, которым он пользовался в этих публикациях, – Сын своей матери. Между Соколовой и ее старшим сыном пролегла глубокая пропасть. По свидетельствам современников, она не признавала в нем своего сына, он не считал ее матерью, они не общались, хотя судьба иной раз сводила их, как это было в конце 1880-х – начале 1890-х гг. во время совместной работы в газете «Новости дня».

Есть предположение, что через десять лет после того, как она бросила Власа, Соколова попыталась вернуть сына. О таком ее намерении свидетельствует, по мнению Н. А. Прозоровой, прошение на «высочайшее имя» об усыновлении мальчика, поданное М. Р. Дорошевичем в 1876 г., хотя в нем нет указаний на то, что «своего обещания не требовать сына к себе Соколова не сдержала...»¹⁴. Если верить уже упоминавшимся воспоминаниям Н. В. Дорошевич, Влас через суд был все-таки возвращен матери и прожил с ней несколько лет. Но следует иметь в виду, что являющиеся сами по себе интересным и не лишенным литературных достоинств произведением воспоминания Натальи Власьевны грешат неточностями и очевидными выдумками, особенно при описании рождения, детских и юношеских лет отца, что можно объяснить как ее неосведомленностью (незадолго до ее рождения родители разошлись, и она жила в новой семье матери, актрисы К. В. Кручининой), так и тем, что диктовала она свои воспоминания, будучи тяжело больной, буквально за несколько недель до смерти. Документальных подтверждений того, что Влас по судебному решению был возвращен Соколовой, не обнаружено, как нет и его собственных и других, кроме дочери, свидетельств о его жизни в семье матери. Напротив, из воспоминаний Е. И. Вашкова, сына хорошо знавшего Дорошевича с юности старого журналиста И. А. Вашкова, явствует, что, когда юный Влас незадолго до смерти приемных родителей явился к родной матери, Соколова буквально не пустила его на порог: «Влас Дорошевич до последних дней мадам Дорошевич не знал, что он не родной ее сын. Только перед смертью она сообщила ему, что он сын популярной в то время романистки Александры Ивановны Соколовой. Эта весть сильно потрясла его. Он решил отправиться к ней, своей настоящей матери. Это свидание не только не принесло Дорошевичу никакого удовлетворения, но, наоборот, только сильно расстроило и буквально потрясло его, благодаря цинизму и черствости Соколовой.

¹³ *Дорошевич В. М.* О незаконных и о законных, но несчастных детях // Россия. 1899. № 206.

¹⁴ *Прозорова Н. А.* Указ. соч. С. 166.

– Меня встретила толстая накрашенная женщина, которая на мои слова, что я ее сын, ответила холодным равнодушным тоном: это все равно, теперь мы друг другу совершенно чужие люди, я прошу вас больше меня не беспокоить.

Повернулась и вышла»¹⁵.

Сцена, никак не свидетельствующая о том, что у Соколовой пробудилось материнское чувство по отношению к старшему сыну. Вместе с тем, поскольку в фельетонах Дорошевича, посвященных «незаконнорожденным», нередко возникает мотив, связанный со стремлением «самок» через суд вернуть когда-то брошенных ими детей¹⁶, нельзя исключать полностью возможность такой попытки со стороны Соколовой. Любопытно, что спустя много лет после того, как она бросила сына, Соколова в одном из мемуарных очерков рассказала душераздирающую историю о «неизвестном мальчике Сереже», который, будучи отнятым у арестованной матери-аферистки (сумевшей через брак получить титул графини), находился в московском «приюте нищих детей», не имея «даже общечеловеческого имени», – «он был просто “неизвестный мальчик”». С возмущением она писала в мемуарном очерке «Французская артистка и польская графиня», «что далеко не всюду в Европе можно натолкнуться на такой произвол и что, случись подобный эпизод в настоящую минуту и будь он доведен до Государственной Думы, “неизвестный мальчик” получил бы какое-нибудь иное, более определенное имя...».

Юный Влас вынужден был рано пойти «в люди», начало его самостоятельной жизни полно горестей и тяжких испытаний, в числе коих были и бесприютность, и полуголодное существование, что также на долгие годы определило его резко отрицательное отношение к матери.

Сергей Соколов умер предположительно в конце 1860-х – начале 1870-х гг., оставив супругу с двумя детьми на руках. Во всяком случае, уже в середине 1870-х гг. Соколова в документах именуется «вдовой московского мещанина». Впрочем, и при жизни мужа надежды на него не было никакой, нужно было искать твердый заработок. 1860-е гг. – начало массового прихода женщин в литературу и журналистику. Обедневшие дворянки, дочери из семей разночинцев предлагают свои услуги в основном как переводчицы, авторы любовных и бытовых романов (К. Назарьева, М. Вовчок, Ю. Жадовская, Е. Свешникова, Н. Хвоцинская и др.). Женщины, выступающие на чисто журналистском поприще, еще редки. Александра Соколова была одной из первых. Используя знакомство со знавшим ее отца фельетонистом Н. М. Пановским, она приходит к М. Н. Каткову, и тот предлагает ей работу в газете «Московские ведомости». С июля 1868 г. она начинает выступать как автор острых, тяготеющих к скандалу фельетонов на бытовые темы в «Современной летописи», воскресном приложении к «Московским ведомостям». И очень скоро утверждает себя в новом амплуа – театрального и музыкального критика, автора многочисленных рецензий на спектакли русской и итальянской оперы, Малого театра. «Театральный мир трепетал ее рецензий, она была тонким знатоком искусства», – напишет после ее смерти Влас Дорошевич, сам знаток и ценитель театра¹⁷.

В 1871 г. Соколова становится театральным рецензентом «Русских ведомостей». Совместную работу с такими столпами московского либерализма, как Н. С. Скворцов, А. И. Чупров, А. С. Посников, она назовет «хорошим, блестящим для газеты временем», когда «работали усердно и дружно, знамя принятого на себя дела держали высоко...». Тем

¹⁵ Цит. по: Букчин С. Указ. соч. С. 63.

¹⁶ См.: Дорошевич В. М. О незаконных и о законных, но несчастных детях; *Он же*. Компетентное мнение // Россия. 1901. № 929; *Он же*. За день // Московский листок. 1892. № 121.

¹⁷ А. И. Соколова. Некролог // Русское слово. 1914. № 34.

горше выглядел ее уход из газеты, связанный с бюрократическими порядками, заведенными пришедшим в редакцию В. Н. Неведомским.

Но у Соколовой уже было имя в газетном мире. Она сотрудничает с выходящим в Петербурге «Голосом» А. А. Краевского, заведует московским отделением газеты «Русский мир», издававшейся генералом М. Г. Черняевым, а в августе 1875 г. становится издательницей газеты «Русский листок». Она хотела, чтобы это издание выбилось из мира малой прессы, но средств не хватало, и Соколова вынуждена была сама выступать в качестве автора разнообразных материалов. При этом она допускала острые выпады по адресу властей, что становилось причиной цензурных замечаний. После передачи прав на газету в 1876 г. А. А. Александровскому, переименовавшему ее в «Русскую газету», Соколова продолжала сотрудничать в ней.

Несмотря на неудачу с собственной газетой, этот период для Соколовой был временем того материального успеха, о котором говорил С. Н. Шубинский, – «тысячи зарабатывала, на рысаках разъезжала». Наталья Власьева, вероятно, со слов отца описывает ее дом того времени, достаточно безалаберный, в котором «в порядке содержалась только столовая – огромная, торжественная, с панелями из дуба и буфетом, похожим на церковный орган. Сервировка была отличная: богемский хрусталь, английский фарфор, старое фамильное серебро. Обеды были по-московски сытные и обильные. За стол садилось множество народу, знакомого и полужнакомого. По средам у Александры Ивановны собиралась, как она считала, вся литературная Москва. Это была не настоящая литературная Москва; большие, настоящие писатели, люди скромные и замкнутые, не ходили на эти шумные сборища или бывали в других кружках. Это была пишущая Москва – авторы газетных романов, фельетонов, имевших сенсационный, но недолгий успех; таланты, внезапно вспыхивавшие, как звезды, и гаснувшие так же быстро; поэты, сочинявшие стихи-однодневки; художники, рисовавшие портреты богатых купцов <...> Александра Ивановна относилась к своим гостям наполовину серьезно, наполовину иронически. Она была умной женщиной, знала цену вещам, людям, жизненным явлениям».

Соколова была в ту пору хлебосольной и вместе с тем властной дамой. Такой она предстает как героиня повести Н. Е. Добронравова «Важная барыня», «разодетая в пух и прах» редакторша «Вездесущей газеты» Олимпиада Ивановна¹⁸. Наталья Власьева рисует выразительный портрет бабки: «За большой рост, громкий голос, властное обращение Москва прозвала ее “Соколихой”. Встречая ее на улице, московские купцы крестились и шептали про себя: “Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его”». Популярности Соколовой прибавили ее фельетоны под названием «Письма провинциалки», которые она за подписью Анфиса Чубукова публиковала в возникших в начале 1880-х гг. и имевших широкую читательскую аудиторию газетах «Новости дня» и «Московский листок». В них высмеивались купеческие нравы, в разнообразных ситуациях представляли типы обывательской Москвы. «Московский листок» буквально рвали из рук по тем дням, когда в газете появлялось продолжение очередного уголовного романа Соколовой, печатавшегося под псевдонимом Синее Домино.

Уголовный мир она знала не понаслышке. Будучи дамой с авантюрной жилкой, подобно своей героине из «Звездной пыли» Леле Крамской, «брала деньги, не стесняясь». Через пять лет после истории с векселем на имя Казначеева она предлагает к оплате такую же фальшивку, но уже на три тысячи и снова замешивает в это дело близкого человека – весьма благоволившего к ней генерала М. Г. Черняева, при полном доверии со стороны которого она открыла в Москве отделение выходившей в Петербурге и принадлежавшей ему газеты «Русский мир». Пользовавшийся большой популярностью герой войны на Балканах,

¹⁸ Русская газета. 1881. Август – сентябрь.

Черняев проявил милосердие и не стал возбуждать уголовное дело. На эту историю с матерью Дорошевич отозвался в одном из фельетонов с убийственным сарказмом: «Из всего, что она написала, наибольшей известностью пользовался вексель, очень недурно написанный на какого-то сербского генерала. Это литературное произведение дало автору славу, которая протекла бы даже до границы Томской губернии, если бы Урваниху (таким прозвищем, образованным от отчества матери, награждена героиня фельетона. – С.Б.) почему-то, – вероятно, из-за сожаления к русской литературе – не оставили в Москве»¹⁹.

Несмотря на уже солидный возраст и горькие уроки, Соколова с годами не успокоилась. Как издательнице «Русского листка», ей не хватало денег, и она продала вверенный ей залог, за что была подвергнута трехнедельному домашнему аресту. Ее судили и за клевету в печати, приговорив к четырем месяцам тюрьмы. Этого наказания она, скорее всего используя свои связи, сумела избежать. Аферы укрупнились. В 1877 г. ее приговорили к ссылке в Олонецкую губернию за подделку расписки на десять тысяч рублей, якобы выданной ей графом А. В. Орловым-Давыдовым. Но и из этой истории, как и из заведенного в 1883 г. дела о мошенничестве, ей удалось выкрутиться, чему содействовали и собственная изворотливость, и те же связи, в том числе с тогдашним товарищем председателя московского окружного суда Е. Р. Ринком.

Одним словом, опыт в сфере судебно-уголовной был большой. Но «уголовная проза» пришлась на более поздний период в ее жизни. А к собственно беллетристике Соколова приступила еще в конце 1860-х гг. Ее повесть «Сам», рассказывающая о тяжелых нравах купеческой среды, жертвой которой становится влюбленная молодая пара, была напечатана в журнале «Беседа» в 1871 г. Соколова утверждала в воспоминаниях, что известный прозаик В. А. Соллогуб, присутствовавший на чтении повести еще до ее журнальной публикации, с одобрением отозвался о таланте автора. Он пожелал Соколовой сосредоточиться на серьезном литературном труде, уйти от газетной текучки, не разменивать свой талант на «пятаки». Комментируя эти слова писателя, Соколова пишет во «Встречах и знакомствах», что необходимость зарабатывать сделала «газетную работу» ее «уделом» и потому «скромное место фельетонного романиста» хотя и дало ей «немало денег, зато славы и известности не дало и не могло дать никакой». Не будем забывать, что более образованные и талантливые авторы публиковались в толстых журналах и солидных газетах, за что получали значительно более высокий гонорар. Правда, и в таких низовых газетах, как «Московский листок» и «Новости дня», иногда печатались талантливые литераторы.

Насчет же своей известности Соколова явно скромничает. Известность была, хотя и определенного характера. Еще в 1883 г. работавший вместе с ней в «Русских ведомостях» А. П. Лукин в фельетоне «Дама неприятная во всех отношениях» отметил, что «если Соколова не имеет славы всероссийской писательницы, зато в Москве слава ее гремит по всем улицам и стогнам, от Плющихи до Болвановки и от Швивой горки до Плетешков»²⁰. Конечно, Лукин, сильно недолюбливавший Соколову, имеет в виду ее скандальную репутацию как фельетониста и рецензента и, разумеется, как участницы перечисленных выше уголовных афер.

Следует иметь в виду, что в пореформенной России быстрыми темпами нарождалась массовая литература, потребителями которой были ширившиеся круги разночинной публики. В этой среде становятся популярными любовные, бытовые, исторические и, конечно же, уголовные романы, печатавшиеся с продолжением в газетах «Московский листок», «Новости дня» и других и затем вышедшие отдельными изданиями. Соколова стала одним из авторов, работавших именно для этого рынка, росту которого способствовала судебная

¹⁹ В. Д[орошевич]. Ненаписанный фельетон // Московский листок. 1892. № 121.

²⁰ Лукин А. П. Указ. соч. С. 195.

реформа 1860-х гг., когда был введен суд присяжных и судопроизводство стало гласным. Регулярно посещаемые ею судебные заседания давали обильный материал для очерков и романов. Занимательность сюжета в сочетании с детальным знанием уголовной тематики способствовали выходу таких романов Соколовой, как «Спетая песня. Из записок старого следователя» (М., 1892), «Без следа» (СПб., 1890), «Маффия – царство зла» (СПб., 1911). В какой-то степени «уголовные романы» Соколовой предвосхитили разгоревшийся позже в России интерес к похождениям таких сыщиков, как Шерлок Холмс, Нат Пинкертон и Ник Картер.

Очерки, рассказы и романы Соколовой, посвященные изображению быта и нравов Москвы (Москва конца века. СПб., 1900), свидетельствуют о том, что ее знание московских трущоб, закоулков, населяющих их типов, традиций, характерных для городского мещанства и купечества, не уступает знанию Гиляровского. Проникнутая мелодраматическими мотивами бытовая, семейная, любовная ее романистика отчасти отражает собственный жизненный опыт автора – борьбы бедной, отвергнутой высшим светом дворянки за свое место в жизни. Призрачный успех здесь чаще всего сменяется поражением, разочарованием, порой ведущим к самоубийству героини (Без воли. СПб., 1890; Бездна. СПб., 1890).

И, наконец, третье направление романистики Соколовой – историческое. Ее романы, в которых действуют русские цари и лица из их окружения, также являют собой отклик на запросы массового читателя. Идя навстречу читательскому интересу и, соответственно, стремясь, по ее собственным словам, «глубже и пристальнее заглянуть за кулисы истории»²¹, Соколова рассказывает об интимной жизни, любовных увлечениях Анны Иоанновны (Тайна Царскосельского дворца. СПб., 1911), Александра I (Северный Сфинкс. СПб., 1912; На всю жизнь. СПб., 1912), Николая I (Царское гаданье. СПб., 1909; Царский каприз. СПб., 1911; Мертвые из гроба не встают. СПб., 1913). Если романы из времен Анны Иоанновны и Александра I основываются на опубликованных исторических материалах, то в романах, в центре которых Николай I, Соколова выступает как непосредственная свидетельница эпохи, имевшая возможность близко наблюдать царскую семью во время учебы в Смольном институте.

Один из критиков сравнивал исторические романы Соколовой с работами известного популяризатора русской истории К. Валишевского, в основе которых «лежат нередко именно “кулисы истории”, порой анекдотический матерьял, иногда даже и скандальная хроника давно минувшего времени. Такт и вкус автора только одни спасают этот жанр исторической монографии от вульгарности, но зато читатель получает увлекательное чтение». О книге «Северный Сфинкс» в этом же отзыве было сказано, что сочинение, в котором «на сцене разыгрывается эпопея борьбы с Наполеоном и движутся такие фигуры, как Аракчеев и Сперанский», будет прочтено «с таким же интересом публикой, как и все, что выходит из-под пера писательницы»²². Рецензент не захотел остановиться на том обстоятельстве, что не события международного характера, а прежде всего личность Александра I находится в центре внимания автора. Исторические романы Соколовой интересны и современному читателю, о чем свидетельствуют их многочисленные переиздания²³.

В конце 1880-х гг. Соколова покинула Москву и переехала в Петербург, что, скорее всего, было вызвано укреплением контактов с петербургским издательством А. А. Каспари,

²¹ Соколова А. И. Северный Сфинкс: Исторический этюд. СПб., 1912. С. 4.

²² Н.Э. [Энгельгардт Н.А.] [Рец. на кн.: Соколова А. И. Северный Сфинкс. СПб., 1912] // Исторический вестник. 1912. № 2. С. 744 – 755.

²³ См.: Тайна Царскосельского дворца. М., 1991; Тайна Царскосельского дворца. Светлый луч на престоле // Дмитриев Д. С. Авантюристка. СПб., 1993; Царский каприз. Таллинн; Казань, 1993; Царское гаданье // Дмитриев Д. С. Русский американец. М., 1993; Вещее слово // Самаров Гр. Адъютант императрицы. СПб., 1994; На всю жизнь. Тайна Царскосельского дворца. Казань, 1994; Царский каприз. М., 1995; На всю жизнь. Саранск, 1995; Царское гаданье: Романы. М., 1996; Русский фаворит. М., 2007; Тайна Царскосельского дворца. М., 2011.

регулярно выпускавшим ее романы. Она постоянно печаталась в принадлежавших этому издателю журнале «Родина» и в других периодических изданиях. Ей уже немало лет, но работоспособность и плодовитость поразительны. Литератор С. С. Окрейц вспоминал, что «всегда дивился энергии этой женщины. Чего она только не написала в своей жизни: с десятков романов, сотни статей и заметок и очень любопытные мемуары, напечатанные потом в «Историческом вестнике»»²⁴.

Воспоминаниям в «Историческом вестнике» предшествовал другой мемуарный цикл Соколовой, «Из воспоминаний смолянки», опубликованный в четырех номерах журнала «Вестник всемирной истории» в 1901 г. Таким образом, начало XX в. – это время, когда Соколова начинает вспоминать. Причем не только в двух названных циклах, но и в отдельных очерках мемуарного характера.

Соколова, естественно, начинает с поры своего детства и юности, протекших в стенах Смольного института. Воспоминания выпускниц институтов благородных девиц к началу XX в. уже составляли небольшую библиотеку, которая продолжала пополняться. Содержавшиеся в них описания и оценки институтской жизни, образования и воспитания в этих учебных заведениях были разнообразны и достаточно полярны – от появившихся в 1834 г. и наполненных «чувством беспредельной благодарности»²⁵ мемуаров Е. Аладыной до вышедших в 1911 г. воспоминаний критически настроенной Е. Н. Водовозовой. «Воспоминания конца XIX – начала XX в., – пишет исследователь мемуарной прозы институток, – отразили неоднозначность и противоречивость отношения к институтскому воспитанию»²⁶. Оценивая в этом плане «Записки смолянки» Соколовой, следует сказать о немалой доле содержащегося в них критицизма. Она характеризует институтскую жизнь как «сухую, форменную, по-солдатски аккуратную», не раз говорит о грубости и бездушии классных дам, указывает на «нелогичность, какую отличалось все в нашем воспитании», при котором основное внимание уделялось «умению сделать достаточно низкий и почтительный реверанс», а учеба отходила «на второй план». Но вместе с тем отмечается, что «профессора были прекрасные, преподавание было дельное и умелое», хотя «научиться чему-нибудь можно было только при настойчивом желании и при настоящей жажде знания...». Рассказывая о существовавшей в институте «несообразности чиновничества» и внешне завуалированных, но ощутимых перегородках сословности среди воспитанниц (составлявших основу вражды Николаевской и Александровской половин института), Соколова, хотя и пытается уйти от окончательного вывода о том, «что лучше и что хуже» в связи с прививавшимся в институте сознанием сословного достоинства, вместе с тем не без гордости говорит о «чувстве дворянского достоинства», которое тщательно поддерживалось самой системой воспитания. Это отзвук той ее позиции, когда она еще писала в «Русском мире» Черняева и выступала «за укрепление социальной и политической роли дворянства»²⁷.

Благоговение перед патронировавшей Смольный институт императорской четой, Николаем I – суровым, но гуманным и благородным самодержцем, и его супругой Александрой Федоровной – воплощенной добротой и человечностью, пронизывает как «Записки смолянки», так и отдельные мемуарные очерки.

Хотя Соколова и подчеркивает – «передаю факт, отнюдь его не комментируя», удержаться на этой позиции с ее темпераментом затруднительно. Она решительно восстает против сложившегося в обществе образа индифферентной к любым общественным проявле-

²⁴ Окрейц С. С. Литературные встречи и знакомства // Исторический вестник. 1916. № 6. С. 48.

²⁵ Аладына Е. Воспоминания институтки. СПб., 1834. С. 6.

²⁶ Белоусов А. Ф. Институтки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 75.

²⁷ Цит. по: Прозорова Н. А. Указ. соч. С. 168.

ниям, наивной, предпочитающей только «обожания» институтки. Дело петрашевцев (1848) не проходит бесследно для воспитанниц Смольного, они вслушиваются в разговоры старших, всматриваются в газетные листы. В одном из очерков, написанных годы спустя после «Записок смолянки», возражая против «той легендарной наивности, какую, по раз навсегда укоренившейся привычке, стараются снабдить институток старых времен», она пишет о сочувствии, какое вызывали петрашевцы в институтской среде, естественно, считавшей участие в «этом роковом деле» «плодом только одного увлечения, а отнюдь не строго обдуманной злой воли...».

Счастливые воспоминания детства не заслонили проблем социального неравенства институток, резкого обозначения «жизненных ступеней», со всей очевидностью проявившегося при выпуске, когда «одних раззолоченные лакеи облачали в соболя» и усаживали в дорогие экипажи, а другим подавали «простенькое, на вате, пальто» и обшарпанную извозчицью пролетку. Приход пешком из Черниговской губернии за своей закончившей Смольный дочерью слепого дворянина-однорядца на фоне гордого отъезда в роскошной карете четверней выпускницы Александровской («мещанской») половины института, «дочери известного своими миллионами фабриканта», бравшей «теперь верх над аристократками-николаевками», – эта картина из записок Соколовой воспринимается как экспозиция некоторых ее будущих романов.

Спустя десять лет после публикации «Записок смолянки» второй мемуарный цикл Соколовой «Встречи и знакомства» начинает печатать журнал «Исторический вестник». Собственно, отдельные очерки Соколовой появляются в «Историческом вестнике» с 1910 г. Непосредственно «Встречи и знакомства» с перерывами, перемежаясь с внецикловыми очерками, печатаются там же с января 1911 г. и до марта 1914 г., то есть до смерти писательницы.

Работа над новым мемуарным циклом началась, вероятно, на рубеже 1908 – 1909 гг. Уже в марте 1909 г. она пишет А. И. Сумбатову-Южину: «“Записки” мои подвигаются и будут наверно интересны и как воспоминания старого литератора, и как записки старого театрала, и как общие записки старой женщины, некогда принадлежавшей к “большому свету”»²⁸.

Из-под пера Соколовой вышли мемуары, в которых имеются и немногочисленные штрихи ее биографии, и оценки личностей и событий. Она называет «самовластным временщиком» генерал-губернатора Москвы графа Закревского, дает восторженную характеристику человеческим качествам М. Н. Каткова («бесконечно добрый, щедрый и деликатный», «понимал и чужую нужду и чужое горе и чутко стоял на страже чужого самолюбия»), резко отзывается о своем критике, журналисте А. П. Лукине («скромные умственные способности», желание купаться в «лучах чужого ума и таланта»), бросает уничижительную реплику о драматурге Н. В. Сушкове, как «авторе отвратительных пьес», говорит о П. И. Чайковском как о «натуре холодной», «одном из тех эгоистов, которым ни до чужой души, ни до чужой судьбы не было никакого дела». Этот список может быть продолжен.

Более того, свое «право судить» Соколова в письме к С. Н. Шубинскому невольно отождествляет с позицией мемуариста, для которого важна только правда и который передает ее независимо от того, «насколько эта правда лестна или нелестна потомкам героев того или иного события». Хотя и правду можно видеть по-разному. Это объяснение с редактором журнала было вызвано жалобой семьи Энгельгардтов на бесцеремонность вторжения Соколовой в их «горькую семейную хронику» (история о том, как живой человек по приказу царя был объявлен покойником). Соколова решительно возражает обидевшимся на нее потомкам Энгельгардтов: «Быть может, надо было только заглавные буквы имен и фамилий ставить,

²⁸ Цит. по: Прозорова Н. А. Указ. соч. С. 171.

но тогда это будет не *история*!! Под фирмой X. Y. Z. – что хочешь рассказывай! *Скрывать фамилий я не могу, я не сочиняю, а передаю давно прошедшее!* Три четверти века прошло с тех пор, и о царях на этом расстоянии лет уже говорят правду! <...> История с горем частных лиц не считается, она считается только с правдой». Нельзя не согласиться с биографом Соколовой Н. А. Прозоровой в том, что «некоторый элемент неразборчивости в средствах для достижения популярности, безусловно, чувствуется в позиции писательницы и не убеждает в ее правоте»²⁹. Но подобная позиция целиком соответствует ее напористому характеру. Кстати, буквенные обозначения некоторых фамилий, против чего она так яро возражает, в ее воспоминаниях тем не менее имеются.

Нередко память подводила старую писательницу, на что, помимо прочего, указывали и читатели в своих откликах на ее воспоминания (см. комментарии в настоящем издании).

Период, охватываемый воспоминаниями, весьма большой – от середины XIX в. до первого десятилетия XX. Память ведет мемуаристку прихотливыми путями. Она не раз возвращается к особенно запомнившимся эпизодам из времен своего пребывания в Смольном институте и порой пересказывает то, о чем уже рассказала в «Записках смолянки». Вспомнив по ходу повествования какое-либо лицо и связанную с ним любопытную историю, она переключается на эту фигуру (рассказы о тамбовском губернаторе Булгакове, о семействе Энгельгардтов, о богаче и публицисте В. А. Кокореве), а затем пытается вернуться к основному руслу записок, что, впрочем, ей не всегда удается. Соколову совершенно не смущает это обстоятельство. Она ведь обещала «отдельные эпизоды», а не строго выстроенные мемуары. Время от времени она поправляет себя: «Я отвлеклась немного в сторону, отдавшись старым воспоминаниям моей молодости, и теперь вновь возвращаюсь к началу моей литературной карьеры». И вновь следует уже знакомый акцент: говорить она хочет «не о себе, а о тех всем хорошо известных и памятных лицах, с которыми меня сталкивала судьба на первых порах моей литературной деятельности». В ее зарисовках личностей известного славянофила С. А. Юрьева, Аполлона Майкова, А. Ф. Писемского, М. Н. Каткова активно присутствует она сама, достаточно амбициозная молодая беллетристка, отстаивающая право на собственную позицию в первых своих произведениях.

Литературный контекст записок Соколовой расширяется при описании нравов, царивших в редакциях изданий, в которых она сотрудничала, – газет «Русские ведомости», «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», их сотрудников, которым она, не обинуясь, дает разнообразные характеристики. Наполнены выразительными подробностями портреты «литературной богемы», к которой она причисляет, выражая явную симпатию, «пользовавшихся в то время большим успехом» писателей-разночинцев М. Воронова и А. Левитова. Соколова подчеркивает, что для нее наиболее «интересной страницей русской общественной жизни» является «ход нашего газетного и вообще литературного дела», причем в «знаменательный период зарождения в нашем газетном мире так называемой «мелкой прессы». Она считает, что «мелкая пресса» развратила русскую периодику, так же как «разнузданная и скабрезная оперетка» развратила театральное искусство, и благодарит судьбу за то, что она начинала «под патронатом иных, могучих сил», имея в виду, конечно, прежде всего того же Каткова. Но так же как оперетта сыграла свою значительную роль в развитии музыкального театра, так и те издания, которые Соколова называет «мелкой прессой», оказались важны для развития рынка периодики в России, его демократизации за счет привлечения массового читателя из низов, приучавшегося к регулярному чтению. Такими изданиями были выходившие в Москве с начала 1880-х гг. газеты «Новости дня» и «Московский листок». На протяжении ряда лет Соколова сотрудничала в этих газетах, ее публиковавши-

²⁹ Цит. по: Прозорова Н. А. Указ. соч. С. 172.

еся в них фельетоны, очерки, романы в немалой степени способствовали росту их популярности и ее собственной.

При знакомстве со страницами воспоминаний Соколовой, посвященными издателю «Московского листка» Пастухову и его газете, читателю невольно вспомнятся схожие эпизоды из «Москвы газетной» Гиляровского. Это неудивительно, поскольку личность Пастухова была окружена анекдотическими историями, которые ходили по Москве и, естественно, не могли быть неведомы великолепному знатоку московского газетного быта Гиляровскому. Кроме того, вполне возможно, что при написании своих очерков о старой московской прессе Гиляровский, работавший над ними в конце 1920-х – начале 1930-х, то есть с отрывом от описываемых событий в несколько десятков лет, мог «для освежения памяти» воспользоваться публикациями Соколовой в «Историческом вестнике».

Чтение «Встреч и знакомств» порождает ощущение, что воспоминания переполняют автора, стремящегося не упустить ничего из того, что представляется интересным для читателя. Отсюда впечатление калейдоскопичности мемуаров Соколовой. От изображения фигур и нравов литературного мира она переходит к встречам с артистами, музыкантами. Ее свидетельства о Серове, Даргомыжском, Антоне и Николае Рубинштейнах, Чайковском, при всей их очевидной субъективности, воспринимаются как штрихи, дополняющие образы и биографии этих композиторов. В особенности существенным в этом плане представляется описание взаимоотношений Чайковского с семейством Бегичевых-Шиловских. Стремясь быть занимательной рассказчицей, Соколова, подобно многим другим авторам «Исторического вестника», старается припомнить какие-то необычные случаи как драматического, так и анекдотического характера. Ее описания «оригинальных типов прошлого» и быта провинциального дворянства, старого барства (семейства Фонвизиных и Алмазовых) не чужды художественности и дышат тем «культом прошлого», который, по словам мемуаристки, «все дальше и дальше отходит в современном нам обществе». Ей хочется поведать читателю и о благородных чудаках, и об ужасных самодурах, людях, «совершенно исчезающих с русского горизонта», представителях «стушевавшейся эпохи». В ряде очерков, таких, к примеру, как «Одна из московских трущоб и мировой судья Багриновский» и «Преображенская больница в Москве», Соколова выступает как весьма добротный, знающий бытописатель. Знаменательно, что и в них бытописание переплетено нередко с изображением драматических человеческих судеб, как, к примеру, в том же очерке о Преображенской психиатрической больнице, в котором, наряду с упоминанием о содержавшемся там известном юродивом И. Я. Корейше, рассказывается и о людях, ставших жертвами «всемогущего административного произвола», по сути, того, что на нынешнем языке называется «карательной медициной».

Несмотря на многочисленные публикации в периодике и выход при жизни почти двух десятков книг, Соколова к концу жизни бедствовала. Она так и не смогла выбиться из положения литературной поденщицы, вынужденной за небольшую плату писать газетные романы с условием предоставлять очередное продолжение к определенному дню, и, по сути, разделила печальную судьбу «многописательниц», которых вспомнил Дорошевич в очерке, посвященном беллетристке Капитолине Назарьевой:

«Как тоскливо сжимается сердце, когда перечитываешь список всех этих изданий, где она писала. Всех этих “Наблюдателей”, “Звезд”, “Родин”, “Новостей дня”.

“Многописательница!”

Да ведь нужно же не умереть с голоду, работая в этих “Наблюдателях”, “Звездах”, “Родинах”, “Новостях дня”!

<...>

И она писала за гроши, выматывая из себя романы...»³⁰

В апреле 1909 г. умер живший в Москве и, по свидетельству Гиляровского, окончательно спившийся сын Соколовой Трифон. Была больна туберкулезом дочь Мария. Сама Александра Ивановна уже с трудом ходила, испытывала серьезные недомогания. Она была вынуждена обратиться в Постоянную комиссию при Академии наук для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, которая назначила ей пособие в 20 рублей в месяц на период с 1910 по 1913 г. Помогал ей и редактор «Исторического вестника» С. Н. Шубинский. 25 октября 1909 г. она писала ему: «Сегодня полгода смерти сына, в чахотке умирает дочь, и после 41 года постоянной работы я рискую буквально умереть с голоду, потому что, пролежав два года (<...> я разорилась вконец. Работа для меня – спасенье, не откажите мне в ней»³¹. Шубинский внял мольбам старой писательницы, и с февраля 1910 г. ее мемуарные очерки печатались в «Историческом вестнике».

«28 июля исполнилось 45 лет моей литературной работы, – пишет она в 1913 г. своему другу, журналисту и драматургу Л. Л. Пальмскому (Балбашевскому), – ни о каком юбилее я не мечтала и не мечтаю, но кое-кто вспомнил, начиная с Власа, который прислал милейшую депешу из заграницы. Из Москвы прислали цветы (сноп, как сноп ржи, перевязанный роскошными лентами), еще из Москвы – совсем фантастическую корзину фруктов, от “Вестника” (скорее всего, имеется в виду журнал «Исторический вестник». – С.Б.) – букет, лично от редактора “Родины” – прекрасную икону Казанской Божией матери, а от издательской фирмы Каспари ящик серебра. Депеш было много, словом, вышло очень мило, но не принимала я никого, потому что мне было очень плохо, и мы даже пирога не испекли на этот день»³².

Еще пять лет назад она писала Сумбатову-Южину о Власе, что он, будучи «слишком уж Terre-a-terre»³³, для нее «не существует»³⁴. Но вот года за два-три до ее смерти, после десятилетий полного отчуждения и даже вражды, сын и мать сошлись, он стал помогать ей. В упоминавшемся письме Пальмскому она говорит о сыне: «В нем много хорошего». Дорошевич поборол терзавшее его душу неприятие Александры Ивановны и простил ее. В некрологе ей, опубликованном в возглавляемой им самой распространенной российской газете «Русское слово», он нарисовал обаятельный портрет принадлежавшей к временам давнего образованного дворянства «старой журнальной работницы», прожившей жизнь, полную «терний и труда», «державшей на себе семью».

«По-французски, на старом французском “языке Корнеля и Расина”, она даже сыну говорила “вы”».

Какой-то странной, старинной музыкой звучала эта гармония русского “ты” и французского “вы”.

И старым, давно отжитым, умершим временем веяло от этой “старой барыни”, сохранившей все причудливые особенности старого барства и проработавшей, протрудившейся всю свою жизнь.

– Вот и напишите когда-нибудь, – улыбаясь, говорила она, – как в России умеют работать даже барыни. А говорят – страна лентяев.

Действительно, силы и характеры встречаются среди русских женщин!»³⁵

³⁰ Дорошевич В. М. К.В. Назарьева // Россия. 1900. № 592.

³¹ ОР РНБ. Ф. 874. Ед. хр. 118.

³² ОР ИРЛИ. Ф. 53. Ед. хр. 123.

³³ низменным (фр.).

³⁴ Цит. по: Прозорова Н. А. Указ. соч. С. 171.

³⁵ Дорошевич В. М. Воспоминания. М., 2008. С. 625.

В день смерти, 10 февраля 1914 г., Соколова закончила свой последний роман «Без руля и ветрил», печатавшийся в «Петербургском листке». После панихиды в петербургской Симеоновской церкви ее похоронили на Пятницком кладбище в Москве. На деревянном надмогильном кресте сделали надпись «Спи спокойно, моя родная» – последнее «прости» от Власа Дорошевича. Могила писательницы не сохранилась³⁶.

Во «Встречах и знакомствах» Соколова заметила, что во времена, когда она начинала, «попасть в литературную среду было очень трудно и раз занятое место оставалось за человеком до могилы». Но как часто после смерти литератора наступало полное забвение его имени и творчества. У Соколовой такой период длился почти восемь десятков лет. Но в итоге оказалось, что произведения ее, прежде всего исторические романы, как уже говорилось, выдержали испытание временем и оказались интересны для современного читателя. Теперь к ним присоединяются ее воспоминания – колоритный документ литературной, театральной и общественной жизни, а также быта и нравов, царивших как в обеих столицах, так и в среде провинциального российского дворянства второй половины XIX в.

С. В. Букчин

³⁶ См.: Саладин А. Т. Очерки истории московских кладбищ. М., 1997. С. 38.

Встречи и знакомства

Из воспоминаний Смолянки

Глава I

Мое поступление в Смольный монастырь. – Деление на классы. – Преподавание. – Пестрая детская толпа. – Общее направление воспитания. – Учение. – Характерный эпизод на выпускном экзамене.

Я поступила в Смольный монастырь³⁷ в тот класс, где моя тетка была инспектрисой³⁸. И хотя я была приведена годом позднее общего приема (прием был в 1842 году, а я была приведена в 1843-м), – но мне удалось сразу занять первенствующее место в силу той серьезной подготовки, которая заботливо дана была мне дома.

В то время весь курс учения в Смольном монастыре делился на три класса, и воспитанницы оставались по 3 года в каждом классе. Ни отпусков, ни выездов не полагалось, и двери Смольного, затворявшиеся при поступлении за маленькой девочкой, вновь отворялись, по прошествии 9 лет, уже перед взрослой девушкой, окончившей полный курс наук.

В каждом из трех классов было по восьми классных дам³⁹ при одной инспектрисе, и классная дама, приняв воспитанницу на свое личное попечение в день поступления ее в институт, неуклонно заботилась о ней затем в течение всех девяти лет. Группа воспитанниц, отданная под покровительство и управление одной классной дамы, образовывала из себя «дортуар»⁴⁰. Эти девочки спали в одной комнате и значились под последовательной серией номеров.

В классах воспитанницы размещались уже по степени своих познаний, и там классные дамы дежурили поочередно, через день, так как всех классных отделений было по четыре на каждый класс. В смысле преподавания все девочки сразу поступали в ведение учителей и профессоров; учительницы полагались только для музыки. Положение профессоров в первые два года поступления воспитанниц было более нежели затруднительное. Большинство детей не знало ровно ничего; было даже много таких, которые и русской азбуки не знали.

Состав институток был самый разнообразный.

Тут были и дочери богатых степных помещиков, откормленные и избалованные на обильных хлебах среди раболепного угождения бесчисленной крепостной дворни... Рядом с этими рыхлыми продуктами русского чернозема находились чопорные и гордые отпрыски феодальных остзейских⁴¹ баронов с их строгой выдержкой, с их холодно-презрительным

³⁷ Соколова называет учебное заведение, в которое она поступила, Смольным монастырем по сложившейся традиции, в основе которой факт первоначальной организации в 1764 г. по указу Екатерины II Императорского Воспитательного общества благородных девиц (впоследствии в обиходе именовавшегося Смольным институтом благородных девиц) при Санкт-Петербургском Воскресенском девичьем Смольном монастыре. Императорское Воспитательное общество благородных девиц, как говорилось в указе, было создано для того, чтобы «дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Согласно уставу, в него принимались дети с пяти-шести лет, срок пребывания составлял 12 лет. Специальное здание для Смольного института было построено по проекту архитектора Д. Кваренги в 1806 – 1808 гг.

³⁸ Имеется в виду А. Д. Денисьева.

³⁹ *Классная дама* – классная надзирательница в женских средних учебных заведениях.

⁴⁰ От фр. «dortoir» – общая спальня.

⁴¹ То есть с территории Остзейского края (название прибалтийских губерний: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской – от нем. Ostsee – Балтийское море).

тоном... Тут же были и бледные, анемичные маленькие петербургские аристократки, которых навещали великосветские маменьки, братья-кавалергарды и сестры-фрейлины, и рядом с этим блеском галунов, аксельбантов и сиятельных титулов внезапно выростала неуклюжая и полудикая девочка, словно волшебством занесенная сюда из глухого захолустья и поступившая в число воспитанниц аристократического института единственно в силу того только, что ее дед и отец, – чуть не однодворцы⁴² – значились записанными в 6-ю, или так называемую «Бархатную», книгу⁴³.

Чтобы дать понятие о том резком различии, какое царило в рядах одновременно и на равных правах воспитывавшихся девочек, достаточно будет сказать, что ко дню выпуска того класса, в котором я воспитывалась и в списках которого значилось много громких и блестящих имен, за одной из воспитанниц, уроженкой южных губерний, отец-старик пришел в Петербург из Чернигова пешком вместе с жоаком-мальчиком, который за руку вел его всю дорогу, так как нищий старик ослеп за три года до выпуска дочери!..

На меня, воспитанную в строгих приличиях дворянского дома того времени, произвела удручающее впечатление та грубость обращения, которая царила между девочками и выражалась в постоянных перебранках и диких, бестолково-грубых выражениях. Самым грубым и оскорбительным словом между детьми было слово «зверь», а прибавление к нему прилагательного «пушной» удваивало оскорбление, но резкий тон, каким выкрикивались эти оригинальные оскорбления, грубые, наступательные жесты, все это дышало чем-то вульгарным и пошлым.

Классные дамы в сущность этих споров и ссор входили редко и унимали ссорившихся тогда только, когда возгласы их делались слишком громки и резки и нарушали тишину. Если же эти междоусобные войны разгорались во время рекреационных часов⁴⁴, когда кричать и шуметь разрешалось, то воюющие стороны могли выкрикивать все, что им угодно и как им угодно... За ними никто не следил и их никто не останавливал.

Несравненно более строгое внимание ближайшего начальства обращено было на внешний вид детей и на тщательное исполнение форменных причесок, избиравшихся по распоряжению ближайшего начальства. Так, меньшей класс должен был обязательно завивать волосы, средний – заплетать их в косы, подкалываемые густыми бантами из лент, а старший, или так называемый «белый», класс, нося обязательно высокие черепаховые гребенки, причесывался «по-большому», в одну косу, спуская ее как-то особенно низко, согласно воцарившейся в то время моде. В общем, как это ни странно покажется, но взыскивалось за неряшливую прическу несравненно строже, нежели за плохо выученный урок, и несвоевременно развившиеся букли доставляли ребенку несравненно больше неприятностей, нежели полученный в классе нуль.

За ученьем же классные дамы следили мало, и учиться можно было по личному усмотрению, более или менее тщательно и усердно. Наглядным доказательством может служить то, что многие воспитанницы так и оставили стены Смольного монастыря, ровно так ничего не зная.

Как теперь помню я красавицу Машеньку П[иллар фон Пильхау] в день последнего выпускного экзамена истории. Это был не публичный экзамен, где все вопросы известны каждой из нас заранее, а так называемый инспекторский экзамен, длящийся по несколько

⁴² *Однодворцы* – сословие, занимавшее промежуточное положение между крестьянством и мелкопоместным дворянством. Они не имели большинства дворянских прав и привилегий, платили налоги и несли повинности, но имели право владеть землей и крепостными крестьянами.

⁴³ Согласно российскому законодательству, дворяне каждой губернии вписывались в родословные книги из шести частей. В 6-ю часть вносились древние дворянские роды, подтвердившие принадлежность к дворянскому сословию в течение не менее 100 лет до получения Жалованной грамоты дворянству 1785 г.

⁴⁴ *Рекреационные часы* – свободное от занятий время (от *лат.* «recreatio» – восстановление сил).

часов из каждого предмета и резюмирующий собою всю пройденную в 9 лет учебную программу. Отец Машеньки был генерал-лейтенант, мать ее – бывшая фрейлина, старшая сестра ее тоже имела фрейлинский шифр⁴⁵, а брат, блестящий камер-паж⁴⁶, незадолго перед тем вышел в кавалергарды⁴⁷. Она до поступления своего в Смольный уже прекрасно болтала по-французски, очень грациозно танцевала, была замечательно хороша собой, но ленива была феноменально и положительно никогда и ничему не училась. Русскую историю в старшем классе преподавал нам Тимаев, бывший преподаватель великих княжон Марии и Ольги Николаевен и занимавший у нас в то время почетное место инспектора классов.

На эти экзамены, серьезные и ответственные не столько для нас, сколько для самих преподавателей, обыкновенно приглашались профессора университета и специалисты данного предмета. И на этот раз приехало двое каких-то очень серьезных и почтенных старичков. Все мы сильно волновались. Волновался вместе с нами и сам Тимаев. Самые лучшие ученицы робели именно в силу исключительного желания угодить Тимаеву, которого все мы глубоко уважали, а некоторые и «обожали», по институтской традиции.

Не волновалась и не робела одна только Машенька П[иллар фон Пильхау], потому что не знала ровно ничего. И не только не выучила, но, вероятно, во все 9 лет даже не прочла ни одной страницы из русской истории.

Но вот прозвонил звонок, мы торопливо заняли свои места, и в широко, на обе половинки растворенные двери класса вошли почетные посетители. Тут были и начальница Смольного М. П. Леонтьева, и принц Петр Георгиевич Ольденбургский, не пропускавший почти ни одного экзамена, и два заслуженных профессора в звездах, и инспектриса, и приехавшая, в виде особого почета, на экзамен Тимаева графиня Юлия Федоровна Баранова, урожденная Адлерберг, бывшая воспитательница великих княжон Марии и Ольги Николаевен. Графиня была подругой матери Маши П[ильхау], и, подозвав ее к себе, она ласково поцеловала Машу и сказала:

– *Voyons, chere enfant! Distinguez vous! se verrai maman, et je lui donnerai de vos nouvelles!*⁴⁸

Прочитана была обычная молитва перед учением, многие из нас украдкой приложились к крестикам и образкам, которых у каждой было нацеплено на ленточках невероятное количество, и... экзамен начался.

Все шло прекрасно. «Чужие» профессора, как нарочно, вызывали все хороших учениц, и Тимаев смотрел бодро, весело, «сиял». Но вот в числе прочих произнесена и фамилия «госпожи П[ильхау]». Машенька мерно выступает своей грациозной, колеблющейся на ходу походкой.

Она, по-видимому, совершенно спокойна... Но это то, что называется «le courage du desespoir»⁴⁹. Вынув билет, она отходит в линию и с таким непритворным комическим удивлением смотрит в доставшуюся ей на долю бумажку, что мы все начинаем мало-помалу улыбаться... Но с благодетельной первой лавки дан сигнал... Билет пропутешествовал туда для обозрения... и оттуда начинается усердное «начитыванье» вопроса. Прочитывается раз, другой, третий...

– Поняла?..

⁴⁵ *Шифр* – вензель (*устар.*). В данном случае – золотой вензель в виде инициала Екатерины II, который носили на белом банте с золотыми полосками; вручался шести лучшим выпускницам института.

⁴⁶ *Камер-паж* – особое придворное звание для юношей, обучавшихся в старших классах Пажеского корпуса.

⁴⁷ Имеются в виду, соответственно, Густав Федорович, Вера Ивановна, Елизавета Густавовна и Николай Густавович Пиллар фон Пильхау. Елизавета была младшей, а не старшей сестрой.

⁴⁸ Что ж, дитя мое! Покажите себя с лучшей стороны! Я буду видеться с вашей матушкой и передам ей новости о вас! (*фр.*)

⁴⁹ «смелость отчаяния» (*фр.*)

Машенька утвердительно кивает головой.

Она и в самом деле поняла и даже кое-что запомнила... Но так как раньше она ни о чем подобном не слыхала, то полученные сведения оказываются чрезвычайно краткими, сжатыми... «Растянуть» билет на потребное количество минут не представляется никакой возможности...

На беду и вопрос-то достался касающийся истории Польши, предмет, о котором бедной Машеньке и случайно даже слышать не приходилось...

Она как-то безнадежно повторяет то, что успела себе усвоить, сознавая сама в глубине души, что этого «не хватит».

Но вот наступила и ее очередь...

– Госпожа П[ильхау]! Прочитайте ваш билет и ответьте на него!.. – раздается голос Тимаева.

Та читает билет несмело, нерешительно, точно по складам разбирает.

– Rassurez-vous, mon enfant!..⁵⁰ – ободряет ее графиня Баранова.

– Погромче... Пожалуйста, погромче!.. – убеждает один из «чужих» профессоров.

Машенька ободряется и начинает бойко излагать свои ограниченные познания... Не прошло и двух минут, а она сказала уже все, что ей успели «начитать».

– Ну-с... хорошо... хорошо!.. Продолжайте!.. – ободряет ее Тимаев, не ожидавший от известной ленивицы и того, что она успела сказать.

– Continuez, chere enfant... Continuez!..⁵¹ – поддерживала графиня Баранова.

Но Маша молчала. Весь наличный запас ее знаний был истощен. Она бросила умоляющий взгляд вбок, на благодетельную первую лавку. Оттуда немедленно послышалось подкрепление в виде умелого шепота.

– Затем на престол вступил польский король Иоанн Собеский!.. – несло с благодетельной скамейки.

Машенька молчала, нетерпеливо пожимая плечами. Усиленный шепот первой лавки доносится до экзаменаторов... Тимаев слышит усердное подсказывание и, видя на слегка удивленном лице Машеньки ясно выраженное сомнение, украдкой делает ей головою утвердительный знак.

Тогда она уже чувствует себя освобожденной от всякого сомнения и громко, ясно, отчетливо отчеканивает:

– Польский король Александр Невский!..

Эффект был поразительный...

– Садитесь!.. – каким-то упавшим голосом произнес Тимаев.

Она низко присела и возвратилась на место, спокойная и невозмутимая...

– Да разве тебе это говорили? – укоризненно замечали ей потом подруги. – Ведь тебе подсказывали имя короля Иоанна Собеского.

– Ну-у! Такого я никогда и не слыхала! – почти обиделась П[ильхау].

А между тем та же Машенька П[ильхау] получала прекрасные отметки по французской словесности и очень мило и картинно рассказывала о казни Людовика XVI и о страданиях маленького дофина, причем и в русской передаче называла Симона не иначе как «le savetier Simon!»⁵².

⁵⁰ Не волнуйтесь, дитя мое! (*фр.*)

⁵¹ Продолжайте, дитя мое... Продолжайте! (*фр.*)

⁵² «сапожник Симон» (*фр.*). После казни Людовика XVI его сына Луи-Шарля отдали на воспитание сапожнику Антуану Симону и его жене. Они обращались с мальчиком грубо и фамильярно. В январе 1794 г. Симон отказался от опеки над Луи-Шарлем, и мальчика поместили в башню Тамплль, где 28 июня 1795 г. дофин скончался от туберкулеза лимфатических желез.

Я рассказала этот эпизод единственно для того, чтобы наглядно показать, как мало было «принуждения» в системе нашего учения. Об общих основах нашего воспитания я этого сказать не могу. Ко многому нас «принуждали», многое нам «усиленно внушали», но ни исторические, ни географические, ни, главным образом, математические познания в число этого «многого» не входили.

Правда, профессора были прекрасные, преподавание было дельное и умелое, но научиться чему-нибудь можно было только при настойчивом желании и при настоящей жажде знания... А часто ли жажда эта встречается в детском возрасте и, в особенности, между девочками?..

Глава II

Особенности институтской жизни. – Стихийная сила. – Две сестры Ч-овы. – Мать М. Д. Скобелева. – Фрейлина Нелидова. – Наши учителя. – Протоиерей Недешев.

Институтская жизнь, сухая, форменная, как-то по-солдатски аккуратная, так сильно шла в разрыв со всем тем, к чему я привыкла до тех пор, что втянуться в нее я не могла никак, и с каждым днем мне становилось все скучнее, неприветнее и даже как будто физически холоднее.

И не на меня одну эта жизнь производила такое жуткое, такое неприятное впечатление. Весь маленький класс поголовно грустил и плакал по дому, за что получал при редких встречах в столовой и в саду название «нюней» и «плакс» от среднего класса, облеченного в голубые платья и потому носившего общее название «голубых».

Этот класс, составлявший переходную ступень от младших к старшим, был в постоянном разладе сам с собой и в открытой вражде со всеми. «Голубые» бранились со старшим классом, дразнили маленьких, дерзили классным дамам и, появляясь в столовой или в саду, вносили с собой какой-то особый задорный шум, какую-то резкую, неугомонную браваду... Старший класс, или «белые» (носившие темно-зеленые платья), относились к «голубым» с высокомерным презрением, маленькие, или «кофейные» (одетые в платья кофейного цвета), хором кричали им: «Звери голубые!..», а те победоносно шествовали между этими двумя враждебными им лагерями и задирали всех, ловко отстреливаясь от всевозможных нападков.

Это было что-то бурное, вольное, неукротимое... Какая-то особая стихийная сила среди нашего детского населения... И все это как-то фаталистически связано было с голубым цветом детских платьев. Стоило пройти трем очередным годам, и те же девочки, сбросив с себя задорный голубой мундир, делались внимательней к маленьким, уступчивы с классными дамами и только с заменившими их «голубыми» слегка воевали, потому что, в сущности, с ними нельзя было не воевать.

Я в силу своей исключительной научной подготовки сделалась объектом особо усердных преследований «голубых». Они прозвали меня «восьмым чудом» и при встрече посылали мне вдогонку этот эпитет, изредка изменяя его на эпитет «комета», значение и смысл которого так и остались мне непонятными.

И замечательно, что «азарт» этого «голубого мундира» равно сообщался самым образованным и самым благовоспитанным девочкам.

Так, в ту эпоху, о которой идет речь, в Смольном воспитывались две сестры Ч[ертковы], Лина и Лили. Первая из них (впоследствии баронесса Б[оде]) была в старшем классе, когда я поступила в маленький класс, а Лили (впоследствии графиня О[рлова] – Д[енисова]) только что перешла в «голубой» класс.

И, боже мой!.. Каких только неправд я не вынесла от этой хорошенькой и бойкой Лили! Старшая сестра Лина, или Александра, была болезненная и кроткая молодая девушка и

горячо любила Лили (Елизавету⁵³), которая была положительной красавицей. Но ни любовь сестры, ни увещевания, ни просьбы, ничто не могло унять стихийную удаль обворожительной черноглазой Лили. Она, как буря, носилась по коридорам, выдумывала всевозможные шалости и до слез доводила свою лучшую и любимую подругу Наташу С.⁵⁴, которая как родственница директрисы имела свою отдельную комнату, где при ней жила ее старушка няня, всегда прогонявшая от своей «княжнуши» неугомонную и вечно шумевшую Лили Ч[ерткову].

– И на барышню-то не похожа!.. – угрюмо ворчала она, покачивая своей седою головой. – Словно кадет-неугомон или офицер гусарский.

Возвращаюсь к своему кофейному классу, или к «кафулькам», как нас дразнили «голубые».

Это оригинальное прозвище существовало уже в стенах Смольного монастыря задолго до моего поступления туда и приобрело такую широкую известность, что император Николай, всегда удивительно ласковый и приветливый к детям, как-то сказал, глядя попеременно то на нас, то на «голубых»:

– Ну, охота, mesdames, связываться с «кафульками»!.. *Fi donc!*⁵⁵

Весь этот мелкий вздор нашей институтской жизни государь знал из рассказов одной из любимых фрейлин императрицы Л. А. Нелидовой, родной сестры знаменитой в то время В. А. Нелидовой.

Л.А. вышла из Смольного в год нашего поступления туда и была сверстницей Ольги Полтавцевой, впоследствии матери нашего знаменитого героя Скобелева, которую я, будучи ребенком, часто видала у своей тетки-инспектрисы.

Высокая, стройная, в легком белом платье и ярко-пунцовой бархатной мантилье⁵⁶, накинутой на плечи, она была совершенная красавица.

Меньшая сестра ее Annette Полтавцева (впоследствии графиня Адлерберг⁵⁷) была в старшем классе, когда я была в меньшем. Она была далеко не так хороша, как сестра, но ростом и стройностью фигуры не уступала ей.

Помню я, как позднее, когда Полтавцева была уже замужем за Скобелевым, она, смеясь, жаловалась моей тетке, что свекор ее (знаменитый комендант Петропавловской крепости)⁵⁸ мешает ей воспитывать сыновей.

– Невозможно их приучить к выдержанным, строгим манерам, – говорила она. – Дома слушаются, ведут себя прилично, войдут в берега совсем! А чуть попадут на один день к дедушке, так все пропало!.. Ничего он им порядком не даст... все с боя бери!.. свое в атаку... в штыки!.. Они оба крошечные... упадут... перебьются... все на себе изорвут!.. Прямое мученье!

И вот один из этих маленьких вояк и сделался впоследствии тем легендарным генералом, который прогремел на весь мир.

Л. А. Нелидова бывала у моей тетки реже, но все-таки бывала, и однажды, смеясь, рассказывала при мне, как государь, из ее повествований знакомый с учительским персоналом Смольного, однажды окликнул ее в театре и, показывая глазами на проходившего по партеру учителя математики Буссе, подмигнул и сказал ей:

⁵³ Правильно – Елену.

⁵⁴ Идентифицировать эту воспитанницу не удалось.

⁵⁵ Тьфу! (*фр.*).

⁵⁶ *Мантилья* – короткая накидка без рукавов.

⁵⁷ Ошибка Соколовой. Замуж за графа А. В. Адлерберга (в 1842 г.) вышла не Анна Полтавцева, а ее сестра Екатерина (1822 – 1910), выпускница Смольного института 1839 г., ставшая статс-дамой и кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины 1-й степени.

⁵⁸ Имеется в виду И. Н. Скобелев.

– Любочка!.. Глядите, «кудряша» идет!..

Голова Буссе была вся покрыта совершенно курчавыми седыми волосами, и дети действительно за глаза называли его иногда «кудряшей».

В маленьком классе Буссе не преподавал; у нас был свой учитель, старичок Буланов, тип, какие я встречала впоследствии среди чиновников блаженной памяти управы благочиния. Худенький, сгорбленный, мозглявый, с вечно слезящимися глазами и огромной табакеркой, которую он всегда торжественно выкладывал на стол рядом с громадным пестрым фуляровым⁵⁹ платком, – Буланов был учителем, способным внушить навсегда ненависть к преподаваемой им науке. И ненавидели же мы арифметику, и стояли в ней на такой единой душной точке замерзания, что многие даже в старшем классе не знали в разбивку таблицы умножения.

Что касается до меньшего класса, там и простого сложения почти никто не мог сделать, и Буланов, изощряясь в средствах доконать нас за наше упорное незнание, придумал нам следующее своеобразное наказание.

Он вызывал виновную к большой черной доске и заставлял крупными буквами мелом написать на ней: «Г-жа (такая-то) не знает таблицы умножения» или «Г-же (такой-то) упорно не даются самые простые цифры». Сначала это огорчало нас, затем только слегка конфузило, а под конец начало просто смешить!..

В силу ли фаталистической случайности или же по особому выбору заботливого начальства, но все наши учителя и профессора были и стары, и безобразны собой. Исключением из этого правила у нас, в маленьком классе, был только француз Nouquet, вертлявый, живой, нестарый и ежели не красивый, то настолько миловидный, что рядом с нашими безобразными старичками являлся почти красавцем. Его «обожали» усиленно и усердно, но от него всякая поэзия как-то отскакивала бесследно и незаметно.

Закон Божий в младшем классе преподавал молодой священник о. Иоанн Преображенский, светлая и почтенная личность. В среднем учил Красноцветов, очень образованный и умный священник, долгое время бывший при одной из наших заграничных миссий и затем отозванный и, как говорили, бывший долгое время не у дел за написание какой-то книги в духе лютеранства. Насколько все это была правда, я не ручаюсь⁶⁰.

Законоучителем старшего класса был Иоанн Недешев, одна из самых замечательных личностей, каких мне когда-либо случалось встречать в жизни. В то время, когда мы узнали о. Недешева, это был уже дряхлый старик, ему было более 70 лет, но ходил он еще бодро, опираясь на палку. Говорил он, вследствие полного отсутствия зубов во рту, очень неясно и неразборчиво, и самый склад его речи представлял собою много оригинального. Образования он, по-видимому, был самого заурядного, что не мешало ему в то время, о котором я говорю, быть духовным отцом почти всей петербургской аристократии поголовно. Во главе его духовных дочерей стояла знаменитая в то время Т. Потемкина, известная своей широкой благотворительностью и своей строгой жизнью. Она часто приглашала о. Недешева к себе, нередко сама его посещала и вручала ему крупные суммы для раздачи бедным по личному его усмотрению. К этим деньгам он прибавлял почти все то, что получал и зарабатывал сам, оставляя себе только на самое необходимое.

Нередко он отпраивался в гостиный двор и там, обращаясь к наиболее выдающимся и богатым купцам, которые все поголовно его знали, высоко чтили и готовы были всегда беспрекословно исполнить его волю, говорил:

⁵⁹ Фуляровый – из легкой и мягкой шелковой ткани.

⁶⁰ С. И. Красноцветов выпустил книгу «Библейская история в пользу детей» (В 2 ч. СПб., 1835 – 1837). Книга впоследствии была изъята из употребления, а Красноцветов на некоторое время подчинен надзору епархиального начальства (см.: Русский биографический словарь. Том «Кноппе – Кюхельбекер». СПб., 1903. С. 413).

– А ты вот что!.. Послал бы ты тут кое-кому фунтиков десять чаю... Да и сахарку бы приложил!.. Я вот и списочек тебе передал бы!.. Ась?..

Купец немедленно изъявлял полную готовность исполнить его волю, «списочек» тут же вручался, и по чердакам и подвалам рассылался и чай, и сахар, и деньги. К другим купцам старый пастырь церкви обращался с просьбой «приодеть» кое-кого, иных просил за учење внести деньги, не встречая нигде отказа.

На себя отец Недешев не тратил почти ничего и, придерживаясь старинного счета, на ассигнации, имел какое-то совершенно исключительное понятие о тратах и потребностях трат.

Так, например, отпустив на хозяйство три рубля серебром, он довольным тоном говорил:

– Уж и денег я, братец мой, отвалил! Страсть!.. Целых десять рублей с полтиной! Теперь, гляди, мы с Настасьей долго сыты будем!..

Настасья была крошечная прелестная девочка лет 3 или 4, родная внучка отца Недешева и круглая сирота. Дед горячо любил ее и даже по-своему баловал, но баловство это было своеобразное.

Никогда не забуду я, с каким торжеством он как-то объявил нам, когда мы были уже его ученицами в старшем классе:

– Каких мы с Настасьей обнов накупили!! Вот так обновы!! Поглядеть так любопытно!

– Батюшка, приведите ее к нам в обновления!

– Ладно... приведу!.. – с улыбкой согласился он. – То-то вы порадуетесь! Дайте только срок, сошьем все!..

Оказалось, что «обновы» заключались в простом платье из того грубого ситца, который составляет идеал благополучия фабричных баб и мужиков.

Глава III

Приезд императрицы Александры Федоровны. – Наши семейные дела. – Владетельная княжна Гурийская. – Детство и отрочество княжны Терезы.

Я уже говорила, что поступила годом позже назначенного срока, так что остальные «кофейные» имели уже случай видеть императрицу Александру Федоровну неоднократно, я же еще ни разу ее не видала.

Несмотря на сравнительное развитие мое, я все-таки была восьмилетним ребенком. Детское воображение работало во мне живо, и я особенно склонна была к фантастическим представлениям о том, чего я сама не видала. Так, об особах царской фамилии я только слышала, живя в провинции, не видала их никогда, и представление мое о них носило печать чего-то чудесного.

И вот однажды перед обедом по классам «кофейных» молнией пронеслась весть: «Государыня приехала с одною из дочерей своих, и мы увидим ее в столовой!..» Прибежали пепиньерки⁶¹ и классные дамы, стали обдергивать и поправлять «кафулек». В коридоре показался старший унтер-офицер Андрей Иванов с маленькою раскаленной плиткой, на которую он лил какое-то куренье... Куда-то вихрем пронесся мимо классов наш эконом Гартенберг.

⁶¹ *Пепиньерка* (от фр. «perinière») – воспитанница, оставленная по окончании курса при институте для педагогической практики. В Смольном институте пепиньерками назывались «воспитанницы педагогического класса». «Кроме слушания лекций в институте, они должны были дежурить в кофейном, то есть младшем классе, во время болезни классных дам и спрашивать в это время уроки у маленьких. Пепиньерки одевались лучше и красивее всех остальных воспитанниц; их форменное платье – серое с черным передником, а по праздникам и с кружевной пелеринкой. В праздничные дни они пользовались правом уезжать по очереди домой» (*Водовозова Е. Н.* На заре жизни: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 370).

Сторож Никифор появился в коридоре в новом мундире... Словом, вся праздничная обстановка была налицо...

Нас собрали в рекреационную залу и стали устанавливать по парам.

– Государыня уже в столовой! – торопливо говорит вошедшая в залу тетка моя, инспектриса. – Ведите скорее детей!..

И мы торопливо строимся и ускоренным шагом направляемся в столовую.

Я почти бегу... В моем сильно возбужденном воображении видением встают и корона, и порфира, и блеск каких-то фантастических лучей...

Но вот мы и в столовой.

– Nous avons l'honneur de saluer Votre Majeste!⁶² – кричим мы все заученным хором.

Но где же императрица?.. К нам с приветливой улыбкой подходит худенькая, идеально грациозная женщина в шелковом клетчатом платье, желтом с лиловым, и в небольшой шляпе с фиалками и высокой желтой страусовой эгреткой⁶³. Ни диадемы, ни порфиры... ни даже самого миниатюрного бриллиантика!.. Я разочарована...

Рядом с императрицей стояла высокая и стройная блондинка идеальной красоты со строгим профилем камен и большими голубыми глазами. Это была средняя дочь государыни, великая княжна Ольга Николаевна, впоследствии королева Виртембергская, одна из самых красивых женщин современной ей Европы.

Тетка моя доложила государыне о моем поступлении в институт, и она милостиво пожелала меня видеть.

– Mais c'est une grande demoiselle, toute raisonnable!⁶⁴ – улыбнулась она своей обаятельной улыбкой на мой низкий реверанс, отвешенный по всем законам этикета.

Насчет реверансов у нас тоже было гораздо строже, нежели насчет уроков!

Императрица милостиво потрепала меня по щеке и сказала, что она передаст государю, какою «petite merveille»⁶⁵ привезли ему в пансионерки.

Тетка моя была очень довольна этим и очень ласково обошлась со мной, что, кстати сказать, случалось с ней не часто.

Я не одна из ее родственниц воспитывалась в Смольном; во внимание к ее личным заслугам этому учреждению кроме меня воспитывались еще четыре ее племянницы, дочери ее другого родного же брата⁶⁶, и она нас всех, по-видимому, не особенно горячо любила, вымещая на нас этим недружелюбным чувством то, что даваемое нам воспитание служило ей как бы наградой за ее долготелную и ревностную службу, тогда как в душе она, наверное, предпочла бы этому всякую другую награду.

Кроме нас пятерых у нее лично воспитывалась еще шестая племянница, усыновленная ею с детства и в то время, о котором я пишу, уже окончившая курс. Она была сверстницей Скобелевой (рожденной Полтавцевой), знаменитой своим пением калмыцкой княжны Фавсты Калчуковой и светлейшей княжны Гурийской, личности во всех отношениях замечательной. Светлейшая княжна Тереза Гурийская (princesse de Gouries)⁶⁷ была дочь какого-то владетельного князя, добровольно или недобровольно отказавшегося от своего миниатюр-

⁶² Имеем честь приветствовать ваше величество! (фр.).

⁶³ Эгретка – украшение шляпы в виде торчащего вверх пера или пучка перьев.

⁶⁴ Да это взрослая девушка, вполне благоразумная! (фр.).

⁶⁵ «маленькую прелесть» (фр.).

⁶⁶ Имеются в виду дочери Ф. Д. Денисьева Анна, Дарья, Мария и Ольга.

⁶⁷ О Терезе Гуриэли Соколова рассказывает также в очерке «Из юных дней великого князя Михаила Николаевича» (Исторический вестник. 1915. № 1), в котором к эпизодам, известным по комментируемым мемуарам, добавлены новые.

ного престола и вступившего в русское подданство⁶⁸. Княжну Терезу я узнала уже взрослой девушкой лет 20 – 23.

Она окончила курс в классе моей тетки до нашего поступления в Смольный и принадлежала к выпуску 1842 года.

По словам нашей смолянкой хронике, при покорении или присоединении этого княжества⁶⁹ владетельных княжон и прямых наследниц князя было две: княжны Сара и Тереза.

Между обеими девочками была значительная разница лет. Княжне Саре было уже 13 или 14 лет, маленькой Терезе – лет 5 или 6. Сходства между ними в то время не было ни малейшего.

Властная, гордая и заносчивая Сара ничему не хотела подчиняться и ко всему русскому без исключения относилась с какой-то страстною враждой.

Маленькая Тереза, напротив, была добрый и привязчивый ребенок, и когда Сара, достигнув шестнадцатилетнего возраста, занемогла чахоткой, маленькая сестренка не отходила от нее и всячески старалась ее успокоить и утешить.

Тою же мыслью озабочены были и особы царской фамилии, всегда особенно благосклонно относившиеся к сиротам-княжнам, и тотчас как княжне Саре исполнилось 16 лет, ей послан был, при особом рескрипте, от императрицы бриллиантовый фрейлинский шифр.

Произошел, однако, эпизод, вследствие которого Сара не стала фрейлиной. Она и года не прожила после этого эпизода, и по ее кончине маленькая Тереза взята была в Смольный монастырь и специально поручена заботам инспектрисы пепиньерок m-elle Услар.

Одинокая и сиротливая сама и к тому же обиженная природой (m-elle Услар была крошечного роста и совершенно кривобокая), старая девица горячо привязалась к красивому, своеобразному ребенку.

Тереза была совершенно необыкновенный человек; все привычки и стремления полудиких азиатских народов сказались в ней во всей силе. Она любила сидеть на полу, по целым часам напевала себе под нос какие-то тягучие, мучительно однообразные песни и обладала гомерическим, почти недетским аппетитом, нередко бывавшим для нее источником всевозможных злоключений. Она съедала по несколько обедов, требовала вместо обычно раздаваемого детям белого хлеба большие краюшки черного хлеба с маслом и нарушала один из строжайших приказов нашего институтского распорядка беспрестанною посылкой в соседнюю лавочку за всевозможными сайками, банками патоки, солеными огурцами, являвшимися, вероятно, в смысле запретности этого угощения, любимым лакомством детей.

Повторяю, все это к нам перешло только в виде предания о громадной красавице Терезе, которая в наше время занимала уже отдельную комнату рядом с помещением ее неизменного друга и воспитательницы m-elle Услар, но оригинальность княжны и теперь, взрослою девушкой, ручалась нам за то, что и предания о ней мало погрешали.

Тереза была замечательно хороша обыкновенною тяжелой грузинской красотой; белая, полная, крупная, с несколько крючковатым носом и большими миндалевидными глазами, – она отличалась каким-то властным, не столько крикливым, сколько доминирующим голосом и таким гомерическим хохотом, раскаты которого были хорошо знакомы всему Смольному монастырю.

Царская фамилия, всегда внимательно относившаяся к Терезе со времени кончины гордой Сары, усугубила к ней свое внимание.

⁶⁸ Имеется в виду Мамия V Гуриэли.

⁶⁹ Гурийское княжество (на территории исторической области Гурия, западной части Грузии) существовало в XIV – начале XIX в. После присоединения Грузии к России (1801) между Российской империей и гурийским князем Мамией V в 1810 г. был заключен договор, согласно которому Гурийское княжество переходило под российский протекторат и объявлялось самоуправляющимся владением. Однако в 1828 г. во время правления последнего князя Давида Гуриэли автономия княжества была окончательно упразднена.

Маленькие капризы Терезы, сообщенные m-elle Услар, исполнялись беспрекословно, и молодые великие княжны, по приказанию государя и государыни, называли ее «*ma cousine*»⁷⁰.

Это последнее обстоятельство, по рассказам нашей старой няни Анисьи, ходившей до ее выпуска за Терезой, служило поводом к массе оригинальных выходов неистоимой на дикие выдумки княжны Терезы.

Замечу, кстати, что ходившие за нами няни, взятые все из воспитанниц С. – Петербургского воспитательного дома⁷¹, говорили нам всем «ты», что на первых порах поражало, а иногда и оскорбляло наш детский слух, привычный дома к раболепной речи крепостной прислуги.

Тереза к числу оскорблявшихся этой фамильярностью не принадлежала. По ее восточным понятиям, слово «вы» было глупое слово.

Тереза была чрезвычайно добра, но и чрезвычайно вспыльчива, и никто не помнит, чтобы она, рассердившись за что-нибудь, стеснялась временем или местом для выражения своего гнева.

Не останавливалась она также и над выбором выражений, не затрудняясь соображениями о том, кому они были адресованы.

Время шло. Тереза получала приглашения на все придворные балы, была непременным членом всех устраивавшихся во дворцах фестивалей⁷², широко пользовалась гостеприимством великой княгини Елены Павловны, салон которой служил местом собрания всех умных и талантливых людей той эпохи, была желанной гостьей на всех самых интимных собраниях при дворе, но... официального положения не занимала никакого и фрейлинского шифра не получала. Это ее сердило, и она решилась сама возбудить этот вопрос.

– Душечка! – обратилась она к своему старому другу m-elle Услар, начав свою речь с традиционного эпитета «душечка», прилагавшегося ею безразлично ко всем, кого она любила, без различия, не исключая из этого числа и императрицу, которую она с детства называла часто в глаза «душечкой». – Послушайте!.. Что ж это мне шифра не дают?.. Вон уж масса наших и дежурят при императрице, и на выходах парадируют в сарафанах, одну меня только обошли!! Почему это так?..

– Я, право, не знаю... Тереза!.. – растерянно отвечала старушка. – Я думаю, что это потому... что твоя покойная сестра Сара... ты знаешь...

– Ничего я ровно не знаю! – нетерпеливо возразила Тереза. – При чем тут моя «покойная» сестра Сара?.. Она успокоилась, а я и беспокоиться не начинала!.. Нет, душечка, уж вы как там хотите, а это мне устройте!..

– Хорошо, Тереза!.. Я постараюсь... я узнаю стороной!..

Справки были осторожно наведены, и в действительности оказалось, что шифра Терезе не присылали, опасаясь с ее стороны такого же резкого ответа, какой был получен от княжны Сары.

Тереза поспешила успокоить всех, и шифр был торжественно привезен графиней Разумовской, самой старой, важной и почетной из всех придворных дам того времени, по слухам, почти считавшейся визитами с императрицей.

Тереза очень обрадовалась, с обычным своим диким порывом обняла и расцеловала чопорную графиню и разразилась в знак удовольствия таким гомерическим взрывом хохота,

⁷⁰ «моя кузина» (*фр.*).

⁷¹ Петербургский Воспитательный дом (открыт в 1770 г.) был приютом и воспитательным заведением для внебрачных (незаконнорожденных) детей, сирот и детей бедняков. В него принимались дети в возрасте до 2 лет и 4 месяцев и оставались там до 21 года. Большая часть воспитанников получала начальное образование, некоторые – среднее.

⁷² То есть праздников.

что и директрисе, m-me Леонтьевой, и старушке Услар пришлось извиняться за нее перед удивленной и слегка испуганной графиней Разумовской.

А Тереза как ни в чем не бывало продолжала хохотать, между смехом вставляя по адресу графини успокоительные фразы, вроде следующих:

– Это ничего, душечка! Это я так!.. Я ужасно рада!! И большое, большое merci и вам, и ангелу-императрице, и чудному государю!! Скажите им, что я всех их целую и обожаю!..

Этот последний эпизод я, хотя стороною, но помню сама. Он произошел уже на второй год моего пребывания в институте, и о нем в тот же вечер шел в моем присутствии оживленный разговор у моей тетки. К концу разговора пришла сама княжна Тереза и совершенно спокойно и хладнокровно подтвердила все выше переданное.

Глава IV

Представление княжны Терезы ко двору. – Особая милость государя. – Выбор жениха. – Трагикомический эпизод сватовства. – Последующая судьба княжны Терезы. – Смерть ее воспитательницы.

Придворное платье княжны Терезы (красный бархатный сарафан с вышитым золотом длинным трэном⁷³) было готово в очень скором времени, и я как теперь помню ее, пришедшую показаться моей тетке в полной парадной придворной форме. Роскошный сарафан и русская повязка с длинной фатой как нельзя более шли к ее крупной, дебелой красоте.

Терезе назначен был день, в который она поехала, чтобы принести благодарность Их Величествам, и я слышала рассказ о том, что прием этот был обставлен, по желанию государя, особой торжественностью. За княжну прислана была придворная карета с двумя лакеями в придворной ливрее, о прибытии ее доложил императрице обер-камергер⁷⁴, и при ее представлении присутствовали все три дочери императора Николая: великая княгиня Мария Николаевна, бывшая в то время замужем за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, и Ольга и Александра Николаевны.

Императрица обняла и крепко поцеловала княжну Терезу, сама приколотила шифр к ее левому плечу и тут же надела ей на шею богатое жемчужное ожерелье. Затем к Терезе подошли государь и наследник цесаревич Александр Николаевич, и оба поцеловали у нее руку, а императрица, обращаясь к дочерям, сказала:

– Remerciez votre cousine pour la jour que nous éprouvons tous de la voir faisant de notre cour⁷⁵.

По слухам, она хотела сказать «de notre famille», но государь воспротивился этому, как воспротивился и тому, чтобы, заменив слово «famille» словом «cour», императрица сказала «honneur», а не «joie»⁷⁶.

Весь церемониал приема новой фрейлины был, как оказывается, определен и строго обдуман заранее, но сама княжна Тереза всех этих нюансов, конечно, не заметила. Она была по-своему просто и откровенно рада, и радость ее удвоилась, когда на следующий день за семейным обедом во дворце, куда приглашена была и вновь пожалованная фрейлина, госу-

⁷³ Трэн – тянущийся в виде хвоста задний конец женского платья.

⁷⁴ Обер-камергер – придворный чин второго класса в Табели о рангах, его главной обязанностью было проведение придворных церемоний.

⁷⁵ Фраза, построенная с ошибками (оговорками), что может быть вызвано погрешностями набора. Ошибка, очевидно, в том, что вместо «la jour» должно быть «la joie», на что указывает и артикль женского рода, так как слово «jour» («день») – мужского рода и по смыслу в данном случае непригодно. Кроме того, очевидно, пропущено слово «partie» после «faisant». С учетом этого перевести можно так: «Поблагодарите вашу кузину за испытываемую всеми нами радость, что она состоит при нашем дворе». Или: «Передайте своей кузине нашу благодарность, мы все рады видеть ее при нашем дворе» (фр.).

⁷⁶ То есть императрица якобы хотела сказать: «Передайте вашей кузине, что для нас честь видеть ее частью нашей семьи» (фр.).

дарь объявил ей о новой дарованной ей царской милости. Государю благоугодно было объявить титул светлости навсегда закрепленным за княжной Терезой, так что, за кого бы она впоследствии ни вышла замуж, тот делался светлейшим князем.

Такая небывалая милость со стороны государя подала при нелепой своеобразности мнений и поступков княжны повод к целой серии комических эпизодов.

Вдруг около месяца спустя неугомонная княжна объявила, что выходит замуж за бывшего своего учителя рисования, то вдруг какому-то совсем ничтожному гвардейскому офицеру, подвернувшемуся ей на балу и снискавшему ее благоволение своим умением танцевать мазурку, объявила, что она сделает его светлейшим князем...

Государь, узнавая об этом, по обыкновению хохотал, но в конце концов, конечно, получилось то, что просватана была княжна Тереза за князя Д[адиани], – офицера, если я не ошибаюсь, Преображенского полка, носившего самого по себе титул светлости. Передачу официального предложения невесте, по желанию императрицы, взяла на себя все та же графиня Разумовская. Она явилась в Смольный монастырь, en grande tenue⁷⁷, с Екатерининским орденом⁷⁸ на груди, и, пройдя в квартиру директрисы, m-me Леонтьевой, просила пригласить к ней княжну Гурийскую. Леонтьева, заранее предупрежденная о ее визите, встретила ее в полном параде.

Княжна Тереза вышла в сопровождении своей бывшей воспитательницы m-me Услар, тоже нарядно одетую в дорогое форменное синее платье... На княжне платье было белое, совершенно гладкое, оттененное только голубою лентой фрейлинского шифра на левом плече...

Она шла, весело улыбаясь.

Графиня встала ей навстречу и, усадив ее перед собою, торжественно передала ей официально предложение князя Д[адиани], присовокупив, что брак этот вполне одобрен Их Величествами. Княжна Тереза слушала молча, кусая губы.

Вся эта торжественность, вся эта официальная помпа начинали не на шутку забавлять ее. Она чувствовала приближение пароксизма неудержимого хохота.

M-me Услар, зная свою воспитанницу, была полна тревоги... Она бросала на Терезу умоляющие взгляды, которые еще более смешили неутомимую хохотушку...

– Княжна... Я жду вашего ответа!.. Что угодно будет вам, чтобы я передала его светлости князю Д[адиани]?..

Тереза молчала, продолжая кусать губы... Леонтьева тревожно переводила свой взор с воспитательницы на воспитанницу... Услар была как на иголках.

– Voyons!.. Thérèse!..⁷⁹ – почти робко начала она и неловким движением выронила из рук табакерку.

Табак просыпался ей на платье и на ковер... Тереза неудержимо расхохоталась...

Табачная пыль поднялась в воздух... Когда раздалось громкое чиханье графини и обе начальницы почтительно раскланялись с нею, Тереза вскрикнула от восторга и расхохоталась так, как умела хохотать только она одна.

Подхватив длинный шлейф своего парадного белого платья, она бросилась бежать, оглашая воздух хохотом. Так вылетела она в переднюю, вихрем промчалась в коридор, где буквально упала от хохота на первых ступеньках парадной лестницы, ведущей прямо из швейцарской в апартаменты директрисы. Ее почти подняли и чуть-чуть не в истерике довели до ее комнаты.

⁷⁷ при полном параде (фр.).

⁷⁸ Орден Святого равноапостольного князя Владимира был учрежден Екатериной II в 1782 г. Был назван в честь великого киевского князя Владимира I.

⁷⁹ Послушайте!.. Тереза!.. (фр.).

Удивленная и оскорбленная графиня Разумовская так и уехала, не добившись никакого положительного ответа, а Леонтьева и Услар остались среди горького недоумения, не зная, чем разрешится этот трагикомический эпизод.

Все уладил государь, искренне желавший этой свадьбы.

Он извинился за Терезу перед графиней Разумовской, объяснился сам и с невестой, и с женихом, и свадьба была торжественно отпразднована в Зимнем дворце в присутствии Их Величеств.

О дальнейшей судьбе оригинальной смолянки мне известно очень мало. Я случайно видела ее и почти не узнала лет 9 или 10 спустя, когда я уже вышла из института. Она очень растолстела, подурнела и отцвела с той быстротой, с какой обыкновенно отцветают все южанки, но в семейном отношении была, как я слышала, очень счастлива.

Она была матерью многочисленного семейства, а муж ее за смертью каких-то старших в его роде князей Д[адиани] вышел в отставку и вступил в самостоятельное владетельное княжение в одном из далеких уголков Грузии⁸⁰.

М-ше Услар, вконец осиротевшая с замужеством княжны, недолго прожила после ее отъезда. Она умерла на службе, в тех же комнатах, в которых она жила вместе с Терезой, а место ее заняла m-ше Слонецкая, бывшая одно время классной дамой и назначенная инспектрисой по представлению Леонтьевой, над которой Слонецкая вскоре приобрела неограниченное и... к несчастью, не особенно благотворное влияние.

Глава V

Классные дамы и их отношение к детям. – Два типа классных дам. – Отрадное исключение. – Катенька С[аблина]. – Жалоба императрице.

Я уже сказала выше, что каждая из нас на все 9 лет поступала в исключительное распоряжение той классной дамы, в дортуаре которой она числилась. Это была ее прямая наставница, ее гувернантка, женщина, призванная заменить ей отсутствующую мать.

Конечно, трудно было бы требовать, чтобы каждая из классных дам проникалась пламенной, чисто материнской любовью к двадцати пяти приемным дочерям, но, во всяком случае, можно было бы вносить во взаимные отношения и больше душевности, и более сознания известного долга.

Ни того, ни другого налицо не было.

Дети прямо-таки ненавидели своих классных дам, классные дамы обижали и угнетали детей, пока те были маленькими, и жестоко платились за это впоследствии, когда эти многострадальные девочки выросли и, в свою очередь, вымещали на классных дамах все вынесенные ими в детстве мучения.

Отрадным исключением из числа всех классных дам того класса, в который я поступила, была Лопатинская, прекрасная семьянинка, мать и бабушка многочисленного семейства, сумевшая внести и в судьбу посланное ей семейство чисто материнские заботы. Она заботилась о них с утра до ночи, гордилась примерными ученицами своего дортуара, подбодряла ленивых, отстаивала их интересы перед всеми учителями, заступалась за них перед дежурными классными дамами, жила их детскими радостями, горевала вместе с ними в их детских невзгодах и, по возможности, заменяла им их отсутствующие семьи.

Дети по глупости иногда тяготились ее заботами, остальные классные дамы смеялись над нею и прозвали ее «наседкой», но все, кто близко знал эту достойную женщину, рано или поздно отдали ей, наверное, полную справедливость и оценили ее по достоинству.

⁸⁰ Т. Гуриэли после замужества переехала с супругом в Кутаис, где занималась благотворительностью и возглавляла ряд богоугодных заведений. Муж ее в 1856 – 1857 гг. вместе с братом Константином управлял Мегрелией в составе регентского совета при малолетнем владельце Николае Давидовиче. Детей у Т. Гуриэли не было.

Я, к сожалению, в ее дортуар не попала; тетушка моя выбрала мне классной дамой Волкову, пожилую пятидесятилетнюю девицу, несомненно, особу очень достойную, но дослуживавшую уже в то время последние годы свои до полной пенсии (двадцатипятилетней службы) и, видимо, озабоченную только тем, чтобы дотянуть ляжку.

Она не обижала детей, не притесняла их, не оскорбляла никогда их детского самолюбия, но она не любила их, и чуткое детское сердце это прекрасно понимало.

Вообще нигде и никогда сиротская детская душа так не требует ласки и так отзывчиво не откликается на нее, как в стенах закрытого заведения, при том робком сознании «вечности заточения», которое встает в детском уме при мысли о девятилетнем сроке пребывания в институте. Девять лет – это вечность в глазах ребенка!

А тут еще бестолковые окрики, вздорные придирки и, что хуже всего, обидные прозвища и клички, которыми классные дамы награждали воспитанниц и на которые дети отвечали, в свою очередь, такими же прозвищами и кличками.

Особенно резка и груба была с детьми классная дама Павлова, резкая особа, замечательно некрасивая собой, с грубым, почти мужским голосом и манерами рыночной торговки. Она топала на детей ногами, драла их за уши, бранилась, как кухарка, и вносила в безотрадную и так уже детскую жизнь целый ад новых терзаний. Дети платили ей за это полнейшей ненавистью и так вымещали на ней все это позднее, по переходе в голубой и в особенности в старший класс, – что даже ее подчас жалко становилось.

Прямую противоположность Павловой в смысле вежливости и мягкости обращения представляла собой другая классная дама, Кривцова, довольно элегантная блондинка лет 40 – 45, всегда ровная и почти ласковая в обращении с детьми; но ласка ее дышала таким равнодушием, ей так мало было дела до вверенных ее надзору детей, она так всецело игнорировала и их самих, и их детские интересы, и весь склад их детской жизни, что даже от криков и брани Павловой веяло большей жизнью, нежели от этого мертвого, могильного равнодушия.

Павлова кричала, неистовствовала, дергала во все стороны девочку и сама дергалась, как припадочная, но, злясь и бранясь, она видела перед собою живого человека, тогда как Кривцова и до этого не снисходила. Она прямо игнорировала окружавший ее детский мир и вряд ли даже хорошо знала в лицо своих воспитанниц.

Такая ненормальность отношений создавала и явления ненормальные, и об одном из этих явлений я хочу поговорить подробно.

О том, что личные отношения классных дам к вверенным им детям значительно влияли на успехи девочек в науках, говорить, конечно, излишне: это ясно доказал исход всего учебного курса. И в то время как личные воспитанницы Павловой занимали самые последние места в списках воспитанниц по учению, – два первых шифра в нашем выпуске получили воспитанницы Фредерикс и Распопова, обе из дортуара Лопатинской.

Система глубокого равнодушия Кривцовой вызвала другие результаты, а именно: отразилась на одной из воспитанниц так необычайно, что до сих пор, припоминая это страшное, вполне ненормальное явление нашей институтской жизни, останавливаешься в недоумении, не зная, чему его приписать.

Дело в том, что в дортуаре Кривцовой объявилась странная, до дикости невозможная девочка, которая довела свои шалости до того, что вовсе перестала учиться. Она не готовила ни одного урока, не брала в руки ни одной книги и постоянно занималась только тем, что или тараканов впрягала в бумажные тележки, или разводила чернилами узоры на своем белом фартуке, или приставала к подругам, к нянькам, к классным дамам, всех выводя окончательно из терпения. У товаровок своих она разбрасывала тетради, у нянек выдергивала спицы из чулок, которые они вязали, из-под классных дам выдергивала стулья, у звонившего на уроки и рекреации солдата уносила колокол и звонила им, бегая по коридорам, в неуроч-

ные часы; одним словом, наполняла весь институт своими шалостями и со всех сторон возбуждала ропот неудовольствия.

Катя С[аблина] (так звали маленькую шалуню) была миловидная белокуренькая девочка с живым лицом и ясными голубыми глазками. Она была очень общительна, чрезвычайно добра, всегда готова была поделиться со всеми последним, и если на такой благодарной почве развился такой необычайный характер, то вина в этом всецело падает на невнимание и неумелость ее воспитателей.

Началось с того, что маленькой Кате отец привез много всевозможных гостинцев, а классная дама, за что-то ею недовольная, сначала спрятала от нее все лакомства, а затем, желая глубже поразить ее детское сердце, на ее глазах раздала все ее гостинцы другим.

Это возмутило девочку. Она нашла это несправедливым, и с целью восстановить, по своему рассуждению, нарушенное право она пошла и тихонько съела конфеты, ей не принадлежавшие.

В поступке этом она чистосердечно созналась, но не ощутила при этом ни тени раскаяния, и тогда находчивая Кривцова, вместо того чтобы объяснить ребенку его ошибку, нашла более целесообразным наклеить на картон громадный билет с надписью крупными буквами «Воровка» и, надев билет этот на шнурке на шею маленькой Кати, выставить ее с этим позорным украшением в дверях дортуара, предварительно сняв с нее фартук, что считалось у нас в Смольном величайшим наказанием.

С этого дня участь маленькой Кати была решена. Воровкой она себя не считала, чужие конфеты она, по ее мнению, имела полное право съесть с той минуты, как ее собственные конфеты были съедены другими, а горевать над незаслуженным наказанием она не хотела, считая это для себя унижительным.

Равнодушие С[аблиной] к такому из ряда вон выходящему наказанию убедило наше недалекое начальство в том, что девочка «погибла», что она «неисправима», что она за свою *порочность* должна быть торжественно выделена из среды подруг, которых она может *заразить* своим примером.

А между тем все проказы и шалости этой «погибшей» девочки были простыми детскими шалостями, и ни одной порочной черты в них никогда не было. Она шалила в классах, болтала ногами, смешила соседок своих глупыми шутками над учителями и классными дамами – и вот ее сажают одну на стуле впереди всего класса и для вящего ее посрамления изобретают для нее особый костюм.

Из ее несложного форменного туалета навсегда исчезает фартук, волосы ее среди завитых голов подруг заплетаются в две косы, которые и распускаются по ее плечам.

В этом совершенно оригинальном наряде маленькая Катя фигурирует и на уроках, и в столовой на глазах 450 учениц всех трех классов, и торжественно шествует по коридорам на глазах у бесчисленной прислуги. Девочка теряется окончательно, самолюбие ее притупляется, детское сердце ее ожесточается.

Отец⁸¹ ее уезжает к себе в Вологду, недовольный ею, но она и этим бравирует. Правда, это отныне единственное для нее средство самозащиты. Она изощряется в шалостях, как над нею изощряются в наказаниях, и в конце концов над нею ставят крест и перестают ею заниматься.

Девочка растет как трава в поле, и имя ее делается синонимом всего дурного, бестолкового, ни к чему не пригодного. Нашалит которая-нибудь из воспитанниц, напроказит не в меру сильно, – и над нею раздается укоризненный голос классной дамы:

– Что это ты, *ma chere*⁸², С[аблина] что ли?..

⁸¹ Н. И. Саблин.

⁸² моя милая (*фр.*).

Не гуманнее этого относились к протестующему ребенку и учителя. Они знали, что уроков С[аблина] не учит никогда, и вместо того, чтобы настаивать на ее занятиях, совсем оставили всякую заботу о ней.

– Вы, г-жа С[аблина], конечно, урока не знаете?.. – спросят ее, бывало.

Она встанет со своего стула, сделает учтивый реверанс и ответит: «Non, monsieur!»⁸³, если ее спрашивает русский учитель, или: «Совсем ничего не знаю-с!»⁸⁴, если ее спрашивали француз или немец.

На иностранных языках она объяснялась по-своему, «карие глаза» переводила словами: «des yeux carrés», перила на лестнице называла: «les périls sur l'escalier» и слово «шутить» переводила словами: «parler par bêtise»⁸⁴.

Этот разговор ужасно смешил всех, и вскоре она усвоила и до самого выпуска оставила за собою роль какого-то общественного шута, которого и любили, и в достаточной степени побаивались.

Я не знаю, чтобы в другом классе в мое время был субъект вроде С[аблиной], если не считать четырнадцатилетнюю воспитанницу М., которая была прямо идиотка от природы, совсем ничему не училась, не знала даже азбуки и продолжала бессмысленно и почти бессознательно двигаться среди своих сверстниц единственно в силу того, что была ошибочно принята в число воспитанниц во время общего приема.

С[аблину] знали положительно все; все три класса, три инспектрисы, 24 классные дамы и вся бесчисленная прислуга Смольного монастыря. И в силу той нелогичности, какую отличалось все в нашем воспитании, все деяния С[аблиной] и все ее чудачества, считавшиеся нравственным падением и порочностью, ложились на нас всех мрачным, неизгладимым пятном. Отсюда едкая, презрительная ненависть всего класса к маленькой подруге, которая, наоборот, сама всех горячо любила и среди неустанных шалостей своих не сделала никогда никому и тени зла.

Между тем неисправимость Кати и ее настойчивые шалости навели мудрое начальство на мысль исключить ее из числа воспитанниц Смольного монастыря. К счастью, такая решительная мера ни от кого из начальствующих лиц не зависела. Для этой крайней и беспощадной меры нужна была санкция самой императрицы, которой при этом должны были докладываться и мотивы самого изгнания. Подобный доклад мог идти только от лица директрисы заведения, которая, по раз и навсегда заведенному порядку, еженедельно особыми рапортами докладывала государыне обо всем, что происходило в стенах института.

И вот после долгого и усердного совещания рапорт составлен и отправлен, причем злополучной С[аблиной], которой в то время минуло 11 лет, поставлена на вид та крайняя и позорная мера, которая принята против нее.

– Ну вот еще! – пожимая плечами, отвечала она собравшемуся синклиту. – Мало ли что вы тут выдумаете!.. Станет императрица вас слушать!!

Это смелое восклицание переполнило чашу. Все заволновались и закаркали с единодушным, достойным лучшей участи и совершенно иного применения. Мы все, узнав о посланном во дворец рапорте, тревожились и волновались невыразимо и при этом краснели, сознавая, что и на нас всех косвенно падает стыд и позор ожидаемой крупной и выдающейся кары.

⁸³ «Нет, господин» (фр.).

⁸⁴ «квадратные глаза», «опасности на лестнице», «изъясняться глупостями» (фр.).

Глава VI

Ответ императрицы. – Приезд государыни. – Ее разговор с С[аблиной]. – Ропот нашего начальства. – Итоги полученного воспитания. – Прощание С. с институтом. – Ее дальнейшая судьба.

Ответ императрицы не заставил себя долго ждать. Его привез к нам статс-секретарь Гофман, почему-то особенно близко стоявший к Смольному монастырю⁸⁵ и особенно часто и заботливо нас навещавший.

Он, как мы узнали впоследствии, выразил некоторое удивление, а вместе с тем и почтительное порицание директрисе за то, что она обеспокоила государыню таким сенсационным докладом, не посоветовавшись предварительно с ним, Гофманом, и на возражение м-м Леонтьевой, что она уполномочена делать доклады свои самостоятельно и желает пользоваться этим полномочием, – Гофман сообщил ей ответ императрицы.

Государыня, сильно взволнованная испрашиваемым разрешением на «изгнание» воспитанницы, и притом такого маленького ребенка, каким была С[аблина], – отказала директрисе в испрашиваемой высочайшей санкции и повелела отложить всякое решение до личного ее приезда.

Одновременно с этим Гофман, не стесняясь, сообщил и о неудовольствии государя вследствие того, что рапорт этот расстроил и взволновал императрицу, спокойствие которой государь внимательно оберегал.

– Государю благоугодно было приказать, чтобы впредь все подобного рода рапорты представлялись на личное его усмотрение прежде, нежели повергаться на санкцию государыни!.. – сказал Гофман, обращаясь к директрисе.

Но нашу м-м Леонтьеву не так легко было сконфузить.

Император Николай шутя говорил о ней:

– Марья Павловна *est à cheval sur ses idées*⁸⁶.

И действительно, с идеи, раз застрявшей ей в голову, ее невозможно было сдвинуть.

Выслушав Гофмана, она холодно повела плечами и спокойно заметила ему, что подобное указание она может выслушать от самой императрицы и что рапорт об институте, направленный к государю, она считает настолько же странным и нелогичным, как рапорт о кадетах и воспитанниках Пажеского корпуса⁸⁷, доложенный императрице. Гофман молча пожал плечами.

Весь эпизод этот произошел ранней весной, но наступили и каникулы (начинавшиеся у нас 24 июня и продолжавшиеся до 1 августа), а государыня все еще не приезжала. Это огорчало всех нас, а больше всех С[аблину]. Она даже шалить перестала, и относительно нее признано было возможным ввести несколько льготных мер. Ей возвратили фартук и разрешили завивать волосы, которые она на досуге коротко остригла, никому об этом не сказавши.

⁸⁵ А. Л. Гофман был главноуправляющим Ведомством учреждений императрицы Марии; Смольный институт входил в это ведомство.

⁸⁶ села на свой конек (*фр.*).

⁸⁷ Пажеский Его Императорского Величества корпус был основан в 1759 г. с целью, обозначенной в именном указе: «Дабы те пажи через то к постоянному и пристойному разуму и благородным поступкам наивысше преуспевали и от того учтивыми, приятными и во всем совершенными себя показать могли, как христианский закон и честная их природа повелевает». Все воспитанники Пажеского корпуса в период обучения считались причисленными к императорскому двору и систематически несли обязанности придворной службы, главным образом во время официальных церемоний, где присутствие пажей было обязательным по протоколу.

Начальство укоризненно покачало головами, но не могло не сознаться при этом, что эта белокурая, кудрявая головка с задорным веселым личиком, с ясными, смело и прямо смотрящими глазами подкупающе действовала на всякого постороннего зрителя.

– Вот С[аблина], всегда бы так!.. – укоризненно замечали ей и классные дамы, и моя тетка-инспектриса, между прочим, со стороны всех уже возведенная в общий титул «тетки».

Наконец в один из ясных и теплых летних дней по саду, где мы гуляли, молнией пронеслась весть, что императрица приехала. Все забегали, засуетились...

Нам велено было строиться попарно, чтобы идти в большую мраморную залу... Мы уже двинулись дружным строем, когда навстречу нам бегом пронеслась одна из пепиньерок, посланная предупредить нас, что государыня придет в сад. Нас тут же выстроили колонной по 10 человек в ряд и, наскоро осмотрев наши руки, фартуки и порядком-таки растрепанные головы, сдвинули в задние ряды тех, которые выглядели особенно неряшливо.

С[аблина], которая всегда была растрепаннее всех, на этот раз выглядела совсем элегантно. К ее довольно оригинальной удаче, она целых два часа перед тем простояла наказанная у дерева, и как туалет ее, так и мелкие букли ее белокурых волос сохранились в полной и небывалой симметрии.

Тем не менее она запрятана была, по обыкновению, в задние ряды обширной колонны, где она стояла всегда, при всех торжественных случаях, из опасения, чтобы она не выкинула какой-нибудь фокус.

Государыня показалась в конце аллеи, окруженная воспитанницами старшего класса, пользовавшимися привилегией сопровождать ее величество свободно, без всякого фронта. Императрицу на этот раз кроме двух дочерей (Марии и Ольги Николаевен) сопровождала еще довольно многочисленная свита. С нею были две дежурные фрейлины (графиня Гендрикова и г-жа Бартенева), граф Кушелев-Безбородко, Гофман, принц Петр Ольденбургский и еще какие-то генералы в густых эполетах и аксельбантах, фамилии которых не удержались у меня в памяти.

Императрица подошла к нам и со своей ласковой, обаятельной улыбкой сказала по-русски, слегка останавливаясь перед каждым словом, что с ней бывало всегда, когда она говорила на русском языке:

– Здравствуйте, мои кафульки!..

Мы ответили хором французским приветствием.

Она улыбнулась и, окинув зорким взглядом нашу колонну, для чего поднесла даже к глазам лорнет, тихо сказала что-то директрисе.

– Oui, Votre Majesté!..⁸⁸ – громко ответила Леонтьева.

Тетка подскочила и тоже что-то торопливо заговорила. Императрица сделала головою утвердительный знак.

– Mademoiselle S., avancez!..⁸⁹ – подходя к нам, сказала директриса.

С[аблина] вышла из рядов, смелая, бойкая и жизнерадостная... Государыня пристально взглянула на нее в лорнет... С[аблина] сделала несколько шагов по направлению к императрице... Глаза их встретились... и вдруг С[аблина], не в силах удержаться от шалости, дурашливо закачала отрицательно головой и, не дожидаясь со стороны государыни никакого вопроса и никакого замечания, торопливо заговорила:

– Ce n'est pas vrai... Ce n'est pas vrai!..⁹⁰

Это вышло так глупо и смешно, этот смелый протест против никем не формулированного обвинения прозвучал такой веселой, забавной нотой, что государыня громко рассмея-

⁸⁸ Да, ваше величество!.. (фр.).

⁸⁹ Мадемуазель С., выйдите вперед!.. (фр.).

⁹⁰ Этого не может быть... Этого не может быть! (фр.).

лась, а за нею неудержимо расхохотались и все посвященные в смысл и значение этой немой сцены.

– Ты... все шалишь?.. – с ласковой улыбкой проговорила императрица. – Шалить... не надо... это нехорошо!..

С[аблина] стояла сконфуженная и улыбалась.

– А папа и мама у тебя есть? – продолжала государыня.

– Папа есть... мама умерла! – тихо проговорила девочка.

– Папу огорчать не надо!.. – ласково заметила государыня и протянула С[аблиной] руку, которую та поцеловала.

– Надо совсем не понимать детей, – с несвойственной ей строгостью обратилась императрица к личному составу нашего начальства, – для того чтобы нарисовать такими мрачными красками такую светлую детскую головку. Пожалуйста, chère⁹¹ Марья Павловна, не пугайте меня больше такими грозными призраками!.. – обратилась она к Леонтьевой. – Я от этого почти занемогла! (J'ai failli an être malade!..)

Обе эти фразы сказаны были государыней по-французски. Русский язык ей до самой кончины не давался вполне.

По отъезде императрицы ожесточенным толкам и пересудам нашего начальства не было конца.

Сильнее всего волновалась тетка.

– С ними (то есть с нами) таким образом сладу не будет!.. – громко роптала она. – Я не понимаю императрицу!.. Ведь все это падает на нас!.. Нам с ними нянчиться приходится!.. А ежели им открыто дается право балбесничать, так чего же от них ждать?!

В выражениях тетюшка не стеснялась, и любимое ею выражение «балбесничать» было одним из самых мягких и нежных выражений ее лексикона.

Леонтьева волновалась меньше. Методическая и крайне спокойная от природы, она почти рада была такому мирному исходу дела и, поднимая глаза к небу, высказывала надежду, что этот урок послужит С[аблиной] ко благу.

К сожалению, это благое пожелание не оправдалось. С С[аблиной] в оправдание слов тетюшки действительно никакого сладу не было. Она опять перестала и причесываться, и одеваться, остриглась в один прекрасный день «в кружок», как стригутся мужики, и снова воссела одна на стул впереди всего класса без фартука и с гладко распущенными, прямо лежащими волосами, придававшими ей вид какой-то юродивой.

Окончилась ее карьера в Смольном монастыре самым неутешительным образом. Перед последними инспекторскими экзаменами она, по единодушному настоянию всех профессоров, отправлена была в лазарет, откуда уже взял ее отец, не дожидаясь дня общего выпуска. Все боялись, что она и на торжестве последних экзаменов выкинет какой-нибудь «артикул»⁹².

Туалет ко дню ее отъезда из Смольного отец ей сделал прекрасный, и она чинно пришла прощаться с нами в розовом шелковом платье и такой же шляпе, завитая, надушенная и очень хорошенькая собой. Она чинно вошла в класс, очень мило и почтительно простилась с дежурной классной дамой, сказала нам всем несколько прочувствованных слов и вдруг... подхвативши и собрав в кучу свои шелковые и кружевные юбки, слегка приподняла их и, с ловкостью белки прыгнув на заднюю скамейку, перепрыгнула с нее на пюпитр, по дороге задела и опрокинула чернильницу и затем, последовательно прыгая по лавкам и пюпитрам,

⁹¹ дорогая (*фр.*).

⁹² Выкинуть артикул (*устар.*) – совершить публично неожиданный поступок с целью удивить или рассмешить присутствующих.

вихрем пронеслась по всему классу и, вся покрасневшая, вспотевшая, с распустившимися под шляпой волосами, вылетела в коридор...

Мы все, что называется, остолбенели от удивления... Отец ее, не успевший ее догнать, в недоумении стоял посреди класса...

К счастью, дежурной оказалась м-м Лопатинская, которую мы все к тому времени успели оценить и которую все глубоко уважали... Она с улыбкой обратилась к озадаченному отцу и тоном искреннего убеждения сказала:

– Ничего! Вы этим не смущайтесь!.. Это все безвредные детские шалости! Они души не портят и сердца не омрачают! Ведь прыгать всю жизнь нельзя... с годами придет и серьезность, и рассудительность!..

И она была права, пророчески права! Много лет спустя, лет двадцать, коли не более, я близко познакомилась в Москве с родственником Кати С[аблиной] М.А. С[аблиным], пользовавшимся в Москве большим уважением и умершим год тому назад.

От него я узнала, что Катенька С[аблина] (его дальняя родственница) вышла замуж и оказалась прекрасной семьяниной и очень счастливо жила в провинции, окруженная родными и друзьями.

Тут же вместе с этим мне пришлось выслушать от этого почтенного общественного деятеля и образцового педагога и горькое слово укора по адресу Смольного монастыря, «изуродовавшего», по его убеждению, прекрасную и богато одаренную натуру.

Хоть и грустно мне было его слушать, но согласиться с ним пришлось!..

Глава VII

Кара, примененная к воспитаннице П. – Ее сестра⁹³. – Семейство О[лонкиных]. – Холера 1848 года. – Смерть воспитанницы. – Приказ императрицы. – Случай с доктором Корнелиусом. – Маленькие сироты.

Совершенно иное явление представляла собой другая воспитанница, П., тоже возбудившая против себя негодование начальства и быстро исчезнувшая из нашей среды и изгнанная безапелляционно.

На этот раз ни с чьей стороны не было протестов против этого изгнания, и П. исчезла быстро и бесследно, так что мы почти не заметили ее исчезновения.

В сущности, для меня и до сих пор остается тайной причина ее изгнания, но, бросая ретроспективный взгляд на весь этот эпизод, я полагаю, что П., привезенная откуда-то издалека, была не по летам развита и имела понятие о многом, о чем мы и при выпуске не имели ни малейшего представления. Порочного лично в ее жизни, конечно, не могло быть ничего: ей в минуту изгнания ее из Смольного было лет 12 – 13, но она многое понимала и могла многое нам передать, а это было бы очень нежелательно.

Вообще, в смысле сохранения в чистоте как понятий, так и воображения детей воспитание наше не оставляло желать ничего лучшего. С нами обращались подчас очень грубо, на нас не обращали достаточного внимания, но нас тщательно оберегали от всего, слишком рано развивающего понятия о некоторых вопросах жизни.

Я едва помню, как внезапно исчезла с нашего горизонта П., на место которой огорченным родителям разрешено было привезти ее меньшую сестру. Та была на несколько лет моложе и потому поступила уже не в наш класс, а в следующий, в то время когда мы перешли уже в голубой класс. Встреченная враждебно всем начальствующим персоналом за ее родство с изгнанной сестрою, ни в чем не повинная меньшая П. провела два или три года в Смольном и тоже куда-то исчезла, чуть ли даже не умерла в институте.

⁹³ Идентифицировать эту воспитанницу и ее сестру не удалось.

Говоря о преемственности в смысле успеха или неуспеха в учении и поведении, не могу умолчать, в виде резкого контраста с предыдущим, о необыкновенном семействе, члены которого в течение нескольких последовательных лет были гордостью и славой Смольного монастыря и имя которого навсегда тесными узами связано с нашим институтом.

Я говорю о сестрах О[лонкиных], явивших собой редкий пример того, каких блестящих результатов можно достигнуть путем разумного воспитания с самых юных, ранних лет.

Мать О[лонкины]х⁹⁴, вдова полковника, осталась сравнительно еще молодой женщиной с громадным семейством на руках и самыми ограниченными средствами к жизни. У нее было пять дочерей и два сына. Всем им надо было дать образование, всех нужно было поставить на ноги, а на все это, кроме обычной вдовьей пенсии, не было почти ничего. И вот эта примерная мать, эта глубоко почтенная личность, сама получив воспитание в институте, принялась понемножку готовить дочерей к Смольному, где она желала дать им всем воспитание. Затем подготовленных научно, твердо и надежно поставленных нравственно, она последовательно, одну за другою, привозила и отдавала дочерей в Смольный монастырь, а сыновей в корпус.

Самая старшая из дочерей, Екатерина Николаевна, выпущенная из Смольного в 1845 году, получила первый шифр; за нею, в следующем выпуске 1848 года, – первый шифр получила Анна Николаевна О[лонкин]а; в выпуске 1851 года десятый шифр получила Марья Николаевна О[лонкин]а; а в 1854 году первый шифр получила Елизавета Николаевна О[лонкин]а, а третий или пятый шифр Ольга Николаевна О[лонкин]а.

Уже после выпуска третьей дочери императрица обратила внимание на мать такого образцового семейства и пожелала видеть ее во главе вновь поступающего меньшего класса воспитанниц.

М-ме О[лонкин]а была сделана инспектрисой в Смольном, а вслед за нею той же чести удостоилась старшая из ее дочерей, Екатерина Николаевна, получившая место инспектрисы пепиньерок, то самое, которое когда-то занимала m-lle Услар.

Среди наших учителей и профессоров имя О[лонкин]ых сделалось синонимом всех совершенств и всех детских добродетелей, и, узнав, что в класс поступила «новенькая» по фамилии О[лонкин]а, каждый из них с радостью и почти с уважением встречал ребенка, зная, что это поступает будущая краса и гордость класса.

Я выше сказала, что не помню отчетливо, домой уехала или умерла меньшая П., но я скорее склонна думать, что ее взяли домой, потому что смерть воспитанницы, наверное, более или менее резко запечатлелась бы в моем уме.

Умирали у нас воспитанницы редко; случаи смертности между детьми крайне неприятно влияли на императрицу, и страх огорчить или расстроить этим путем обожаемую государыню сделался во время холерной эпидемии, свирепствовавшей в Петербурге, источником следующего печального происшествия.

Холера в 1848 году свирепствовала ужасно⁹⁵. У нас прекращены были классы, введено было употребление отварной воды с красным вином и, ввиду отдаленности нашего лазарета от классов и дортуаров, в каждом этаже устроены были временные лазареты в рекреационных залах.

Диета соблюдалась самая строгая, все привозимое детям подвергалось строжайшему контролю, и для меня совершенно непостижимо, как могла при таких условиях эпидемия проникнуть в стены Смольного монастыря.

⁹⁴ В воспоминаниях Е. Н. Водозовой «На заре жизни» она названа Оленкиной.

⁹⁵ В Россию холера проникла в 1847 г. с юга. В июне 1848 г. она достигла Петербурга. Всего в 1848 г. в России холерой заболело свыше 1,7 млн человек, из которых умерло около 700 тыс. человек.

А между тем она туда проникла. В маленьком классе (мы тогда уже готовились к переходу в старший) внезапно занемогла воспитанница – Мальдзиневич или Манцевич, не помню в точности, – болезнь быстро приняла острый характер, и на вторые сутки ребенка не стало.

Девочка была уроженка польских губерний, единственная дочь у матери, небогатой вдовы, и составляла единственную отраду и утешение этой последней. Она уехала домой на родину тотчас после помещения дочери в институт, не видала ее два года и, по особой, фатальной случайности собравшись навестить ее, приехала в Петербург поздно вечером, часа за два или за три до кончины дочери, умершей в ту же ночь. Железных дорог тогда еще не было, и, проехав долгий путь на лошадях, бедная женщина страшно утомилась и заснула крепким сном в номере гостиницы, порешив на следующий день рано утром отправиться в Смольный на свидание с дочерью. При всем утомлении своем нежная и любящая мать проснулась с зарею и к 11 часам утра была уже в Смольном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.